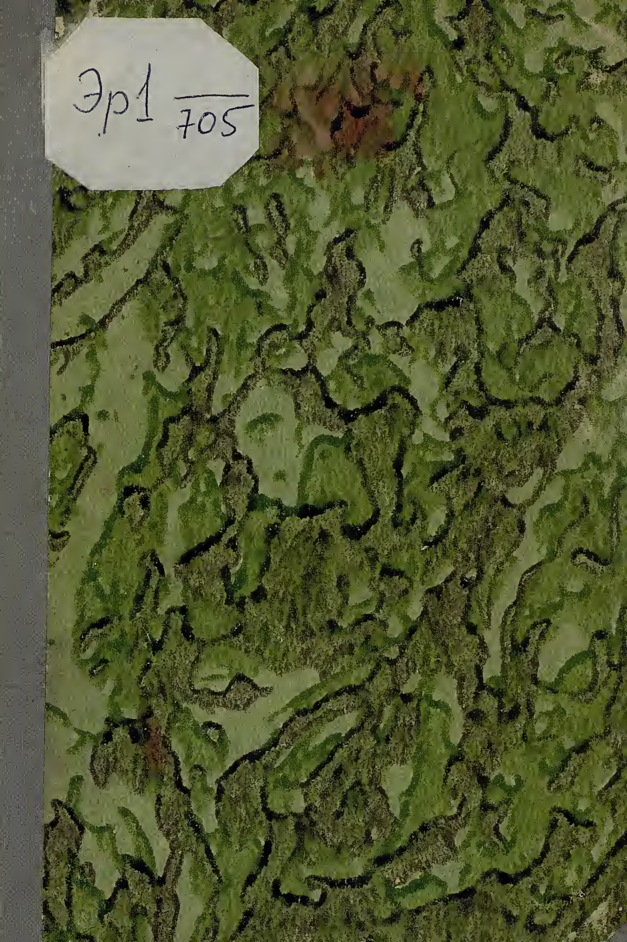

Эр1
705

Д-ръ Г. А. Зивъ.

ТРОЦКІЙ

— ХАРАКТЕРИСТИКА —

(По личнымъ воспоминаніямъ).

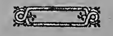
Книгоиздательство "Народоправство"
Нью-Іоркъ
1921

Г. А. Зивъ.

ТРОЦКІЙ

ХАРАКТЕРИСТИКА

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Книгоиздательство "Народоправство"
Нью-Іоркъ
1921

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія предлагаемой брошюры такова: во время послѣдняго пребыванія своего въ Нью-Іоркѣ Л. Г. Дейчъ печаталъ въ еврейскомъ журналѣ "Цукунфтъ" серію статей подъ названіемъ: "Евреи въ русской революціи". Когда я встрѣтился съ нимъ въ Петроградѣ въ 1917 г., онъ сообщилъ мнѣ, что собирается присоединить къ своей серіи еще статью о Троцкомъ, и предложилъ мнѣ, — какъ лицу, хорошо знавшему Троцкаго съ 1896 г., съ первыхъ шаговъ его политической дѣятельности и почти не прекращавшему связей съ нимъ въ теченіе около 20 лѣтъ, — написать для него все, что я помню о Троцкомъ изъ личныхъ соприкосновеній съ нимъ. Мои встрѣчи съ Троцкимъ и встрѣчи Дейча съ нимъ охватываютъ разные промежутки времени, и наши воспоминанія должны были бы, такимъ образомъ, дополнять другъ друга, и вмѣстѣ покрывали бы почти весь періодъ его политической активности. Я принялъ предложеніе Дейча, уѣхалъ къ себѣ на югъ и немедленно принялся за работу, намѣреваясь черезъ короткое время выполнить обѣщаніе и послать первыя главы моихъ воспоминаній.

Но наступили октябрьскіе дни 1917 г., желѣзнодорожное движеніе прекратилось, и я обѣщанія выполнить не могъ. Работы я однако не прекратилъ.

Тѣмъ временемъ, по мѣрѣ укрѣпленія власти большевиковъ, надежда на то, что мнѣ удастся снестись съ Дейчемъ, и онъ сможетъ использовать мой матеріалъ, становилась все болѣе проблематичной, пока совсѣмъ не испарилась. Я рѣшилъ издать свои замѣтки самостоятельно. Для этого мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить планъ, заполнивъ неизбѣжные пробѣлы нѣкоторыми фактами, хотя достовѣрно извѣстными мнѣ, но не изъ личныхъ воспоминаній. Такимъ образомъ были написаны первыя одиннадцать главъ. Одесса, гдѣ я въ то время жилъ, скоро была захвачена большевиками, и о томъ, чтобы издать воспоминанія въ Россіи, не могло быть и рѣчи. Рѣ-

шивъ, по возвращеніи въ Нью-Іоркъ, издать ихъ здѣсь, я прибавилъ двѣнадцатую главу, касающуюся дѣятельности Троцкаго по пріѣздѣ въ Россію въ 1917 г. Въ этой главѣ я отнюдь не претендую дать полную картину дѣятельности Троцкаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Россію и сталъ у власти (эта одна глава должна была бы составить почтенный томъ. Для этого у меня сейчасъ нѣтъ подъ рукой матеріала, и это совсѣмъ не входитъ въ планы предлагаемой брошюры). Цѣль этой главы лишь, при помощи нѣскольких фактовъ, закончить характеристику Троцкаго.

Обо всемъ этомъ я счелъ нужнымъ заранѣе сообщить читателю, чтобы предупредить неосновательныя ожиданія и отклонить возможые упреки въ неполнотѣ.

Нью-Іоркъ, 25 апрѣля 1921 г.

Первая глава.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ЛЕВОЙ БРОНШТЕЙНОМЪ.

"Салонъ Франца" въ Николаевѣ въ 1896 г. — Первыя встрѣчи съ реалистомъ Бронштейномъ. — Бронштейнъ въ семьѣ, въ школѣ и среди друзей въ революціонномъ кружкѣ. — Его "народничество" и борьба съ марксизмомъ. — Неумолимая "логика" и роковая брошюра Шопенгауэра.

Съ Л. Бронштейномъ я познакомился зимой 1896-го года. Я былъ тогда студентомъ кіевскаго университета и пріѣхалъ въ Николаевъ на Рождественскія каникулы.

Въ Николаевѣ жилъ тогда популярный среди радикально-соціалистической молодежи Францъ Швиговскій, чехъ по національности, садовникъ по профессіи. Онъ снималъ въ аренду садъ, при которомъ былъ жалкій полуразвалившійся домишко. Въ немъ ютился Францъ (какъ всѣ его звали по имени) со своимъ младшимъ братомъ, ученикомъ реальнаго училища.

Францъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ радушныхъ людей, къ которымъ при первой встрѣчѣ уже невольно питаешь глубокую симпатію и чувствуешь себя съ нимъ такъ, какъ будто знакомъ и друженъ съ нимъ очень, очень давно.

Эти черты характера и радикальный образъ мыслей Франца естественно привлекали къ нему ту часть молодежи, которая не могла довольствоваться картами, попойками и другими подобными занятіями, единственно встрѣчавшими одобреніе царской полиціи, зорко слѣдившей за поведеніемъ молодого поколѣнія.

Немудрено, что, при такихъ условіяхъ, домикъ при садѣ Франца сдѣлался сборнымъ пунктомъ для этой молодежи, принялъ характеръ незатѣйливаго "салона", куда, какъ мотыльки на огонь, собиралась радикально-соціалистическая молодежь, которая, за отсутствіемъ общественнаго дѣла, тѣмъ болѣе охотно любила поболтать на общественныя темы и вела нескончаемые горячіе споры о томъ, воз-

моженъ ли въ Россiи капитализмъ, суждено ли ей (Россiи) въ своемъ развитiи пойти по пути Западной Европы, или ей уготованы особые пути, минуя злокозненный капитализмъ.

Сторонники перваго взгляда называли себя "марксистами" и составляли то ядро, изъ котораго впослѣдствiи развилась соцiальдемократическая партiя; сторонники второго взгляда называли себя "народниками" и образовали впослѣдствiи партiю соцiалистовъ-революцiонеровъ.

Собранiя эти носили самый невинный характеръ. Въ нихъ не было ничего планомѣрнаго, преднамѣреннаго или клонящагося къ "ниспровержению". Ходили туда, какъ въ клубъ, гдѣ всѣ чувствовали себя хорошо, уютно и непринужденно. Времяпрепровожденiе далеко не ограничивалось одними спорами на указанныя серьезныя темы; тамъ веселились, дурачились, встрѣчали Новый Годъ и т. п.

Въ городѣ садъ Франца, благодаря этимъ таинственнымъ собранiямъ, пользовался страшной репутацiей; его считали центромъ всякихъ ужаснѣйшихъ политическихъ заговоровъ.

Жандармское Управленiе, въ своей прозорливости не далеко ушедшее отъ средняго обывателя, тоже очень косо посматривало на этотъ садъ и зорко за нимъ слѣдило.

Братъ Франца кончалъ реальное училище, и къ нему ходилъ его товарищъ по училищу, 18-ти лѣтнiй юноша, уже тогда обращавшiй на себя вниманiе всѣхъ посѣщавшихъ Франца своими выдающимися способностями и талантливостью. Этотъ юноша былъ Лева Бронштейнъ.

Когда я былъ введенъ въ "салонъ" Франца, я только что прочелъ недавно вышедшую книгу Бельтова*) "Къ вопросу о развитiи монистическаго взгляда на исторiю", и рѣшилъ, что я марксистъ.

Александра Соколовская, впослѣдствiи жена Бронштейна-Троцкаго, узнавъ, что я марксистъ, чрезвычайно обрадовалась, неожиданно нашедши союзника. До этого она была единственной марксисткой во всемъ саду, и ей на себѣ приходилось выносить всю тяжесть нападенiй со стороны всѣхъ завсегдатаевъ сада, начиная съ самого Франца, самаго старшаго изъ всѣхъ насъ (ему было лѣтъ

*) Бельтовъ — псевдонимъ Г. В. Плеханова, основателя русской соцiальдемократiи.

28-30) и кончая самымъ молодымъ — Бронштейномъ. Всѣ они причисляли себя къ народникамъ и рьяно накидывались на Соколовскую, какъ на марксистку.

Положеніе Соколовской было тѣмъ болѣе трудное, что въ этихъ словесныхъ схваткахъ ей приходилось опираться почти исключительно на весьма скудную нелегальную литературу, которую было очень трудно доставать; иногда приходилось пользоваться рукописными, подчасъ безграмотными списками. Изъ легальныхъ книгъ — книга П. Струве*) "Критическія замѣтки объ экономическомъ развитіи Россіи" и вышеупомянутая книга Бельтова только что появились.

Противники же Соколовской имѣли къ своимъ услугамъ обильную и солидную легальную литературу: Николая —она, В. В., Карѣева, Михайловскаго и т. д. Самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ спорщикомъ былъ Лева Бронштейнъ. Заранѣе предвидя побѣду, онъ обдавалъ противника своимъ безжалостнымъ сарказмомъ.

Ему казалось, что его устами говоритъ сама непреоборимая и неумолимая логика. Интонаціей и всей манерой спора, онъ какъ бы говорилъ упрямому противнику о безполезности борьбы противъ неотразимой силы желѣзныхъ силлогизмовъ.

Не надо забывать, что ему тогда было всего 18 лѣтъ, и, живя въ провинціальномъ городѣ и будучи ученикомъ реальнаго училища, онъ физически не имѣлъ возможности пріобрѣсть много знаній, особенно въ области соціальныхъ вопросовъ. Въ дѣйствительности, онъ имѣлъ знаній гораздо меньше, чѣмъ можно было бы предполагать, принимая во вниманіе его исключительныя дарованія, и гораздо меньше, чѣмъ очень многіе изъ посѣтителей "салона" Франца, которыхъ онъ съ такимъ успѣхомъ сражалъ. Усидчивыя кропотливыя занятія для пріобрѣтенія солидныхъ знаній и обогащенія своего умственнаго багажа, повидимому, мало привлекали его. Онъ принималъ самое горячее участіе во всѣхъ спорахъ въ "салонѣ" Франца, фактически не прочитавъ рѣшительно ни одной книги, какъ народниковъ, къ которымъ онъ себя причислялъ, такъ и марксистовъ, противъ которыхъ онъ съ такимъ остервенѣніемъ боролся.

*) Одинъ изъ основателей росс. соц. демокр. партіи въ 1898-омъ году, затѣмъ отошелъ отъ соціалистовъ, сдѣлался членомъ партіи к.-д., а въ послѣднее время былъ членомъ правительства Врангеля.

Но, обладая блестящей памятью, онъ умѣлъ на лету схватывать доводы сторонниковъ и противниковъ, быстро ассимилировать нужное ему и тутъ же преподносить слушателямъ продуктъ своей талантливой импровизаціи, заполняя пробѣлы прочнымъ цементомъ непобѣдимой "логики".

Въ реальномъ училищѣ онъ, разумѣется, занималъ первое мѣсто. Но не потому, что онъ больше другихъ занимался, или обнаруживалъ особенную любовь къ преподаваемымъ тамъ наукамъ, а потому, что, при своихъ способностяхъ, онъ могъ усвоить преподносимую въ училищѣ премудрость, почти не занимаясь. При этомъ не видно было, чтобы онъ питалъ особый интересъ къ наукамъ, преподававшимся въ училищѣ. Несмотря на свои экстраординарныя дарованія, онъ никогда не проявлялъ склонности сколько-нибудь расширить свои знанія въ какой-нибудь изъ наукъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ такіе хорошіе успѣхи въ училищѣ. Принимая во вниманіе его независимый характеръ, на первый взглядъ трудно даже понять, почему онъ продолжалъ посѣщать училище. Будучи отданъ въ училище отцомъ, когда онъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ, онъ, надо полагать, продолжалъ посѣщать его по инерціи, а позже потому, что, до поры до времени, училище все-таки представляло единственное поле, гдѣ онъ могъ проявлять свое превосходство надъ другими. А это ему и тогда уже нужно было, какъ рыбѣ вода. Если бы возможность захватывающей революціонной дѣятельности съ открываемой ею болѣе широкой сферой моральнаго господства, подвернулась за годъ или даже за полгода до окончанія училища, не можетъ быть сомнѣнія, что онъ, не задумываясь, бросилъ бы училище, не дожидаясь полученія аттестата.

Изъ наукъ, преподававшихся въ училищѣ, одна, казалось, интересовала его больше другихъ. Это была математика, возможно опять потому, что математика, во многихъ отношеніяхъ близка столь любимой имъ "логикѣ". При ея помощи, какъ и при помощи "логики", можно, не тратя времени на кропотливое и скучное пріобрѣтеніе реальныхъ знаній, силою собственнаго ума, посредствомъ, подчасъ, сложныхъ выкладокъ и искусныхъ комбинацій величинъ (или понятій) придти къ нужной истинѣ и убѣдить въ ней другихъ. Впрочемъ, и въ области любимой логики онъ не прочелъ ничего сверхъ того, что полагалось по школьной программѣ, если не считать "Эристики"

(искусство спорить) Шопенгауэра, которая какъ-то попала въ его руки.

Это — маленькая брошюрка, состоящая изъ 20 или 30 краткихъ положеній, параграфовъ, въ которыхъ преподаны правила, какъ побѣждать противника въ спорѣ, независимо отъ того, дѣйствительно ли вы правы или нѣтъ. Шопенгауэръ предупреждаетъ читателя не забывать, что его "эристика", это не искусство доказывать истину, а искусство одерживать верхъ въ спорахъ, хотя бы въ ущербъ истинѣ. Шопенгауэръ не преподаетъ правила, которымъ н а д о слѣдовать при веденіи спора, а скорѣе разоблачаетъ пріемы, — болѣе или менѣе грубые, или, болѣе или менѣе тонкіе, — къ которымъ прибѣгаютъ спорщики съ цѣлью побѣдить въ спорѣ. Въ концѣ каждаго такого параграфа, разоблачающаго одинъ изъ пріемовъ спора, Шопенгауэръ даетъ совѣтъ, какъ данный пріемъ парировать. Можно себѣ представить, какъ Бронштейнъ обрадовался этой маленькой, но оттого отнюдь не менѣе цѣнной, брошюркѣ. Въ ней онъ нашелъ прямо откровеніе Вѣдь это была та "логика", которой онъ до этого такъ гордился. На немногихъ страницахъ его любимый методъ получилъ свое "научное" обоснованіе и твердую формулировку. Искусство побѣждать всякой цѣной! Какіе томы самыхъ научныхъ сочиненій могутъ замѣнить эти нѣсколько страничекъ?

Получивъ аттестатъ объ окончаніи реальнаго училища, онъ считалъ свое формальное образованіе совершенно законченнымъ. Естественныя въ молодомъ человѣкѣ колебанія по окончаніи средне-учебнаго заведенія, сомнѣнія, какой выбрать дальнѣйшій путь, какъ строить будущую жизнь и т. п., — были совершенно чужды бурно-активному Левѣ Бронштейну. Обладая нужнымъ запасомъ природной "логики", онъ считалъ себя совершенно подготовленнымъ къ жизни, къ тому, чтобы выявить свое "я" на широкой аренѣ общественной дѣятельности, въ процессѣ выработки новыхъ формъ жизни для всего человѣчества.

Психологи обыкновенно разлагаютъ всю многообразную человѣческую психику на три элемента: познаніе, чувство и волю.

Познаніе, какъ мы видѣли, у Бронштейна сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, что онъ схватывалъ изъ нескончаемыхъ споровъ, и къ "логикѣ". Что касается чувства, то, хотя я былъ съ нимъ въ очень близкихъ отноше-

ніяхъ, я не могу припомнить никакихъ фактовъ, которые указывали бы на то, что у Бронштейна были какія-нибудь склонности въ какой-нибудь области изящныхъ искусствъ, любовь къ театру, художеству, музыкѣ и т. п. Изящную литературу, онъ, конечно, читалъ. Обладая блестящей памятью, онъ любилъ иногда цитировать наизусть нѣкоторыя стихотворенія Некрасова, но особенно онъ увлекался одно время Кузьмою Прутковымъ, любилъ пользоваться его "философскими" сентенціями и съ наслажденіемъ цитировалъ наизусть длиннѣйшіе отрывки изъ его стихотвореній. Если у него былъ любимый писатель изъ прозаиковъ, то это, пожалуй, былъ Щедринъ, сарказмъ котораго былъ, повидимому, очень близокъ его сердцу. Въ разговорахъ онъ очень часто любилъ прибѣгать къ оборотамъ и формамъ, заимствованнымъ изъ того или иного сочиненія Щедрина.

Но дѣйствительная индивидуальность Бронштейна не въ познаніи и не въ чувствѣ, а въ волѣ. Бронштейнъ, какъ индивидуальность, весь въ активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться надъ всѣми, быть всюду и всегда первымъ, — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальныя стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками.

Такъ какъ, по обстоятельствамъ времени, активность его могла сводиться и дѣйствительно сводилась исключительно къ революціонной дѣятельности, то весьма естественно, что въ ней и воплотилась вся его индивидуальность. Революція и его активное "я" совпадали. Все, что было внѣ революціи, было внѣ его "я" и потому не интересовало его, не существовало для него.

Рабочіе его интересовали, какъ необходимые объекты его активности, его революціонной дѣятельности; товарищи его интересовали, какъ средства, при содѣйствіи которыхъ онъ проявлялъ свою революціонную активность; онъ любилъ рабочихъ, любилъ своихъ товарищей по организаціи, потому что онъ любилъ въ нихъ самого себя.

Левъ Бронштейнъ былъ сыномъ богатаго еврейскаго землевладѣльца. Отецъ его, конечно, не могъ не видѣть, что сынъ обладаетъ выдающимися способностями и, какъ отецъ, не могъ не желать, чтосбы сынъ пошелъ далеко, и, конечно, не пожалѣлъ бы для этого средствъ, но Лева чуждался своихъ родителей, хотя учился, кажется, на ихъ средства; они же, если не ошибаюсь, платили за его содержа-

ніе въ семьѣ, гдѣ онъ жилъ (родители жили въ своемъ имѣніи, внѣ города); во всякомъ случаѣ онъ жилъ такъ, что не видно было, чтобы онъ когда-нибудь нуждался. Родители были для него такими же чужими, какъ милліоны другихъ "буржуа" и не-революціонеровъ. Но это не значило, что нельзя было пользоваться ихъ средствами. "Для дѣла" всѣ источники хороши, родители такъ же хороши, какъ всякіе другіе "буржуа". Впослѣдствіи, когда онъ былъ совсѣмъ самостоятельнымъ, его дочери (отъ первой жены, Соколовской) большей частью годами жили у его родителей, на счетъ которыхъ онѣ содержались, или у друзей. Это освобождало его отъ стѣснительныхъ семейныхъ узъ и позволяло ему свободно разъѣзжать и заниматься "дѣломъ".

Родителей очень огорчало это его отчужденіе и то, что онъ не позволялъ имъ обставлять его жизнь такими удобствами, какъ имъ хотѣлось бы. Встрѣчаясь съ Бронштейномъ очень часто, я всего нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть его отца, пріѣзжавшаго изъ имѣнія посмотрѣть, какъ живетъ его блудный сынъ. Я не помню, имѣлъ ли я случай видѣть его мать. Я зналъ, что у него есть братъ или братья и сестры, но только одну изъ нихъ, младшую, Ольгу Давидовну, я видѣлъ нѣсколько разъ. Бронштейнъ указывалъ мнѣ на нее, какъ на подающую надежды*). Объ остальныхъ братьяхъ и сестрахъ, какъ и о родителяхъ, онъ не любилъ говорить. Ему прямо непонятно было, какъ это революціонеръ, хотя бы въ отдаленнѣйшей степени, могъ интересоваться или считаться съ интересами родителей, родственниковъ и друзей. Въ проявленіи самой малѣйшей слабости въ этомъ отношеніи, онъ уже видѣлъ измѣну революціи.

Александра Соколовская, какъ-то получила сообщеніе изъ Петербурга объ арестѣ подруги ея, съ которой она состояла въ интимной дружбѣ. Втеченіе нѣкотораго времени Соколовская была явно удручена этимъ обстоятельствомъ. Бронштейнъ въ бесѣдѣ со мной неоднократно выражалъ крайнее удивленіе по поводу такой непонятной сентиментальности. Онъ мнѣ прямо сказалъ, что, при всемъ рас-

---

*) Впослѣдствіи она дѣйствительно стала революціонеркой. Въ 1905 году я встрѣтился съ ней въ Екатеринославѣ, гдѣ мы работали въ одной революціонной организаціи. Она производила тогда впечатлѣніе барышни съ аристократическими замашками и большими претензіями. Она теперь замужемъ за Каменевымъ и занимаетъ самостоятельный политическій постъ.

положеніи ко мнѣ, онъ не испытывалъ бы никакого чувства огорченія, если бы я былъ арестованъ; а въ это время онъ, дѣйствительно, былъ очень друженъ со мной. Друзей онъ, несомнѣнно, любилъ и искренно любилъ, но любовь эта была такого рода, какъ любовь крестьянина къ своей лошади, которая содѣйствуетъ утвержденію его крестьянской индивидуальности. Онъ будетъ искренно ласкать, холить ее, съ радостью подвергать себя лишеніямъ и опасности ради нея, онъ можетъ даже проникнуться любовью къ самой индивидуальности данной лошади, но какъ только она станетъ неспособной къ труду, онъ, не колеблясь, безъ зазрѣнія совѣсти, пошлетъ ее на живодерню.

Такого же характера была и любовь Бронштейна къ друзьямъ; онъ умѣлъ быть нѣжнымъ, обнималъ, цѣловалъ и прямо засыпалъ ласками. И это было не только по отношенію къ лицамъ другого пола, гдѣ можно было бы заподозрить естественное привхожденіе другого, помимо дружбы, чувства, но также и по отношенію къ лицамъ одного пола. Но, когда другъ оказывался безполезнымъ, нѣжное чувство моментально отпадало; онъ, не задумываясь, отсылалъ вчерашняго друга на живодерню, проявляя иногда жестокость, которая тѣмъ болѣе поражала, что казалась совершенно не мотивированной и ничѣмъ не вызванной.

Наканунѣ 1897 года у Франца была вечеринка. Участвовали, понятно, всѣ завсегдатаи "салона", въ томъ числѣ и Лева Бронштейнъ. Незадолго передъ этой вечеринкой онъ, въ бесѣдѣ съ А. Соколовской, заявилъ, что сталъ марксистомъ. Отъ радости Соколовская забыла даже удивиться, какъ это съ нимъ произошелъ такой неожиданный переворотъ. Она, до сихъ поръ, какъ марксистка, пребывавшая въ "салонѣ" Франца въ полномъ одиночествѣ, вдругъ пріобрѣла такого талантливаго единомышленника. Она готова была простить ему всѣ прежнія прегрѣшенія и обиды, и на описанной вечеринкѣ, имѣвшей мѣсто вскорѣ послѣ этого, была особенно нѣжна къ своему новому союзнику.

Когда стали произносить тосты на политическія темы, она съ особымъ нетерпѣніемъ ждала, что скажетъ онъ.

И, о, ужасъ! Какъ только онъ открылъ ротъ, не только А. Соколовская, но и всѣ присутствовавшіе прямо остолбенѣли. Это была не рѣчь, а самая грубая, площадная ругань противъ марксизма, съ трескучими проклятіями и

прочими аттрибутами дешеваго, но забористаго ораторскаго искусства. Изъ всей обстановки и характера рѣчи ясно было, что единственною цѣлью этого выступленія было оплевать и возможно больнѣй уязвить А. Соколовскую, единственная вина которой состояла въ томъ, что она была марксисткой.

Всѣ присутствовавшіе были крайне смущены. А. Соколовская, страшно растерявшаяся и блѣдная, немедленно покинула веселое собраніе. "Никогда, никогда не протяну руки этому мальчишкѣ", — вся кипя отъ негодованія, говорила она сопровождавшей ее и ушедшей вмѣстѣ съ ней съ вечеринки пріятельницѣ.

Б., тогда близкій другъ А. Соколовской и Бронштейна, услышавъ впослѣдствіи объ этой предательской выходкѣ, въ негодованіи воскликнула: "Изъ него выйдетъ или великій герой или великій негодяй; въ ту или другую сторону, но непремѣнно великій".

Ея предсказаніе было поистинѣ пророческимъ. Б. разсказывала потомъ, что не разъ, послѣ этого событія, Бронштейнъ въ мысляхъ представлялся ей въ видѣ разбойника, вродѣ Стеньки Разина.

А. Соколовская нѣкоторое время послѣ этого не могла равнодушно не только смотрѣть на Бронштейна, но даже слышать его имени.

Само собою разумѣется, что указанныя черты характера Бронштейна не могли ускользать и не ускользали отъ вниманія его друзей, очень и очень часто испытывавшихъ ихъ дѣйствіе на собственныхъ спинахъ, но, въ виду его явнаго превосходства надъ всѣми и яркой одаренности, причиняемыя непріятности скоро забывались, а маленькіе моральные недочеты легко прощались, и дружественныя отношенія сохранялись ненарушенными. То же самое было и съ только что описанной выходкой на новогодней вечеринкѣ. Она скоро была забыта всѣми членами "салона" Франца, и Соколовской въ томъ числѣ; настолько забыта, что между нею и Бронштейномъ скоро возникли самыя нѣжныя чувства.

Глава вторая.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОПРИЩѢ.

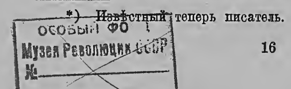
Неудачная попытка выступленія отъ имени "всей интеллигенціи и рабочихъ массъ". — Бронштейнъ объявляетъ себя соціальдемократомъ, но не марксистомъ. — Организація Южно-Русскаго Рабочаго Союза. — Львовъ и Лассаль. — Первое выступленіе Бронштейна на рабочемъ собраніи и въ нелегальной печати. — Арестъ.

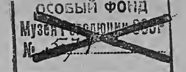
Когда въ 1897 году народническій журналъ "Новое Слово" перешелъ въ руки марксистовъ и, къ нашей великой радости, сталъ первымъ марксистскимъ легальнымъ органомъ, Бронштейнъ написалъ длинное мотивированное заявленіе въ имѣвшейся для этой цѣли при общественной библіотекѣ книгѣ. Въ этомъ заявленіи, ссылаясь на перемѣну направленія журнала "Новое Слово", онъ требовалъ отъ администраціи библіотеки прекратить выписку этого журнала или, по крайней мѣрѣ, сократить число выписываемыхъ экземпляровъ.

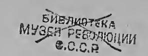
Не довольствуясь этимъ, Бронштейнъ написалъ въ томъ же духѣ въ редакцію "Русскихъ Вѣдомостей" письмо, которое заканчивалъ такимъ образомъ: "Вся интеллигенція и рабочія массы крайне возмущены такимъ поворотомъ журнала". Н. М. Осиповичъ*), къ которому, какъ народнику-единомышленнику, онъ обратился съ предложеніемъ присоединить свою подпись къ составленному имъ протесту, выразилъ естественное удивленіе: "Какія же это интеллигенція и рабочія массы, разъ всего будетъ 3-4 подписи, и среди нихъ ни одного рабочаго". — "Это ничего, — не смущаясь, замѣтилъ Бронштейнъ, — мы напишемъ: имѣются тысячи подписей".

Это были его первые литературно-публицистическіе опыты, въ которыхъ юноша Лева Бронштейнъ въ зародышевой формѣ проявилъ къ признаваемой имъ тогда свобо-

*) Извѣстный теперь писатель.

дѣ печати ту нѣжную склонность, которая впослѣдствіи такимъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла въ декретахъ, рѣчахъ и писаніяхъ комиссара Троцкаго объ этомъ "мелкобуржуазномъ предразсудкѣ".

Какъ отрицательно ни относились друзья къ пріемамъ Бронштейна въ отношеніи политическихъ противниковъ, онъ не могъ не замѣтить, что эти его литературные опыты имѣли большой успѣхъ среди нихъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они были противниками марксизма. Это такъ его подбодрило, что онъ вскорѣ послѣ этого написалъ уже цѣлую полемическую статью противъ марксистовъ.

Эта статья привела въ неописуемое восхищеніе не только его ближайшихъ друзей въ саду, но и редакцію одной маленькой народнической газеты въ Одессѣ, куда онъ понесъ свое произведеніе для напечатанія.

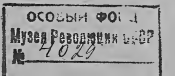
При всемъ своемъ восторгѣ, газета напечатать статью Бронштейна, однако, отказалась, боясь, что въ случаѣ возраженій со стороны марксистовъ, запасовъ знаній, какъ редакціи, такъ и Бронштейна окажется недостаточно для отвѣта.

Въ январѣ 1897 г. я уѣхалъ въ Кіевъ. Весною, вернувшись на каникулы въ Николаевъ, я, разумѣется, немедленно возобновилъ свои посѣщенія сада Франца и тамъ опять встрѣтилъ Бронштейна.

Его кипучая, активная натура, понятно не могла долго довольствоваться времяпрепровожденіемъ у Франца и холостыми, такъ сказать, спорами съ марксистами и публицистическими упражненіями въ узкомъ кругу друзей. Она бурно искала выхода наружу. Ему нужна была широкая общественная дѣятельность. Но гдѣ было взять ее въ тѣ времена, особенно въ такомъ общественномъ захолустьѣ, какъ Николаевъ?

Понятно, что онъ съ радостью ухватился за предложеніе Франца организовать маленькое общество для покупки популярныхъ дешевыхъ брошюрокъ и распространенія ихъ среди крестьянъ. Средства "общества" должны были составляться изъ скудныхъ взносовъ самихъ немногочисленныхъ членовъ его, вербовавшихся среди посѣтителей сада Франца. Организація при всемъ своемъ невинномъ характерѣ (брошюры предполагались исключительно легальныя), должна была, по условіямъ того времени, быть строго тайной.

Все это окончательно суживало и безъ того не Богъ

вѣсть какой широкій размахъ "организаціи" и не открывало никакихъ перспективъ для такого человѣка, какъ Бронштейнъ.

Но noblesse oblige. Бронштейнъ былъ народникомъ, что еще могъ онъ дѣлать въ Николаевѣ, оставаясь народникомъ?

Это общественное крохоборство, претившее всей властной натурѣ Бронштейна, понятно, скоро должно было ему надоѣсть и надоѣло.

Однажды онъ таинственно отозвалъ меня въ сторону и предложилъ принять участіе въ организуемомъ имъ рабочемъ союзѣ. Народничество было отброшено въ сторону: по плану, эта организація должна была быть соціаль-демократической, хотя Бронштейнъ этого названія избѣгалъ, какъ вообще избѣгалъ затрагивать вопросъ о марксизмѣ и народничествѣ и предложилъ назвать организацію "Южно-Русскій Рабочій Союзъ".

Я принялъ его предложеніе. Кромѣ меня, онъ пригласилъ также Александру Соколовскую и Илью Соколовскаго, впослѣдствіи редактора "Одесскихъ Новостей".

Когда я вступилъ въ организацію, я пришелъ на все готовое. У Бронштейна уже были связи съ рабочими, а также съ революціонными кружками Одессы, Екатеринослава и другихъ городовъ, гдѣ возникли аналогичные кружки соціальдемократическаго характера.

Работа была живая, интересная, и Бронштейнъ съ присущимъ ему жаромъ отдался ей, скоро совсѣмъ забывъ о своемъ "народничествѣ". Онъ забылъ о своемъ недавнемъ заявленіи въ жалобной книгѣ библіотеки; о томъ, что еще такъ недавно, съ неумолимой желѣзной логикой (какъ ему казалось) неопровержимо доказывалъ совершенную невозможность капитализма въ Россіи, забылъ свои саркастическіе совѣты намъ заводить кабаки и насаждать капитализмъ, разъ мы желаемъ оставаться послѣдовательными и логичными. Все это было предано забвенію съ легкостью, прямо изумительной.

Только временами, въ интимныхъ бесѣдахъ со мной, у него какъ-будто пробуждалось желаніе оправдаться передо мною въ своемъ противорѣчіи, и онъ добивался отъ меня признанія, что можно быть соціальдемократомъ, не будучи марксистомъ. Мы, четверо, очень близко сошлись, стали говорить другъ другу "ты" и, вопреки элементарнымъ правиламъ конспираціи, въ закрѣпленіе нашей дружбы, сфото-

графировались группой, которая потомъ фигурировала у жандармовъ въ дѣлѣ противъ насъ. Бронштейнъ на этой группѣ снятъ въ небрежно одѣтой косовороткѣ. У меня онъ настоялъ, чтобы я одѣлся попроще (косоворотки у меня не было). Отъ старыхъ народниковъ онъ перенялъ наклонность къ опрощенію и всегда косо посматривалъ на мои манишку и галстухъ; и, вообще, въ моей привычкѣ одѣваться чисто и по-европейски онъ видѣлъ покушеніе на революціонную чистоту. Отъ этого "предразсудка", какъ и отъ многихъ другихъ, онъ впослѣдствіи болѣе, чѣмъ излѣчился.

Окунувшись, какъ я сказалъ, съ головой въ дѣла организаціи, онъ съ подозрѣніемъ относился ко всякому, кто, какъ ему казалось, проявлялъ преданность дѣлу не въ должной мѣрѣ. Будучи со мной въ большой дружбѣ и на "ты", онъ, давая мнѣ свою фотографическую карточку, сдѣлалъ надпись: "Вѣра безъ дѣлъ мертва есть".

Александра Соколовская, питавшая уже тогда къ нему нѣжныя чувства, прочитавъ эту надпись, была очень ею смущена, непріятно шокирована и настаивала на ея исправленіи. Но я не согласился, и надпись осталась. Поводомъ къ подозрѣнію меня въ измѣнѣ въ будущемъ и къ предостерегающей надписи на карточкѣ послужило мое рѣшеніе, по окончаніи каникулъ, поѣхать въ Казань кончать университетское образованіе (я былъ на пятомъ курсѣ медицинскаго факультета). Если мнѣ дорога была революція, я, по мнѣнію Бронштейна, не долженъ былъ прерывать своей дѣятельности въ организаціи, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ, ради полученія какого-то диплома врача.

Какъ Бронштейнъ представлялъ себѣ ходъ предстоящей въ Россіи революціи, которой онъ, повидимому, былъ такъ горячо преданъ, я не знаю, и онъ самъ, я полагаю, не зналъ; по крайней мѣрѣ, онъ никогда ничѣмъ не подавалъ повода думать, что у него имѣются на этотъ счетъ какіе-нибудь взгляды или "планы". И это вполнѣ естественно: вѣдь единственное значеніе революціи для Бронштейна заключалось въ активномъ проявленіи своего "я" въ его революціонной дѣятельности. Ходъ революціи, ея возможные результаты, то, что для другихъ было "конечной цѣлью", для Бронштейна было лишь средствомъ для самоутвержденія своей личности. Съ этой точки зрѣнія, онъ всегда былъ оппортюнистомъ чистѣйшей воды, несмотря на всю свою неизмѣнную крайнюю "революціонность".

Знаменитое изреченіе: "Движеніе, это — все, конечная цѣль — ничего", въ извѣстномъ смыслѣ, какъ нельзя болѣе, было примѣнимо къ нему. Въ революціи его интересовала не столько сама эта революція и ея ходъ, сколько собственная его роль въ ней*).

Вотъ почему въ немъ такъ мирно могли уживаться народническая идеологія и марксистская практика, совсѣмъ не вызывая обычной въ такихъ случаяхъ внутренней драмы и не требуя немедленнаго разрѣшенія противорѣчія.

Честолюбивая мысль о выдающейся и первенствующей роли въ русской революціи, несомнѣнно уже тогда обуревала его голову, и онъ неоднократно, съ чувствомъ большого самодовольства, сообщалъ мнѣ, будто рабочіе не вѣрятъ, что его зовутъ Львовымъ (это было его конспиративнымъ именемъ) и принимаютъ его за Лассаля.

Долженъ сознаться, что рабочіе мнѣ лично никогда ничѣмъ не подавали вида, что считаютъ Бронштейна переодѣтымъ Лассалемъ (кстати, умершимъ за 30 съ лишнимъ лѣтъ до того), да и имя это они врядъ ли когда слыхали. Вѣроятнѣе всего тутъ дѣло было такъ: онъ такъ долго носился съ своей затаенной мечтой — быть русскимъ Лассалемъ, — что, въ концѣ концовъ, самъ увѣровалъ въ нее, какъ въ фактъ: Der Wunsch war der Vater des Gedankens.

Дѣла наши шли великолѣпно. Мы открыли непочатый уголъ сравнительно интеллигентныхъ сектантовъ, среди которыхъ работа наша шла чрезвычайно успѣшно. Не мудрено, что голова у насъ всѣхъ (особенно у Бронштейна) начала немного кружиться при мысли о грандіозныхъ перспективахъ, рисовавшихся передъ нашими разгоряченными взорами.

У насъ было нѣсколько рабочихъ, которые составляли нашу особенную гордость, и мы другъ другу передавали высказанныя тѣмъ или другимъ изъ нихъ фразы, какъ любящіе родители хвастаютъ проявленіями "геніальности" своихъ дѣтей.

Разъ Бронштейнъ съ однимъ рабочимъ пошелъ въ чи-

---

*) Сказанное отнюдь не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Бронштейнъ тогда сознательно видѣлъ въ революціи лишь средство для собственнаго возвеличенія, но, что въ подсознательныхъ центрахъ такое подчиненіе революціи собственной личности имѣло мѣсто, — не можетъ подлежать сомнѣнію, особенно въ ретроспектномъ свѣтѣ его послѣдующей карьеры.

тальню. Тамъ библіотекарша для статистики, между прочимъ, спрашиваетъ рабочаго о его религіи. "Я — раціалистъ", съ гордостью заявилъ тотъ. Библіотекарша въ недоумѣніи, первый разъ въ жизни слыша о такой религіи. "Что вижу — признаю, чего не вижу — не признаю", съ достоинствомъ пояснилъ рабочій.

Другой рабочій, тоже гордость нашей организаціи, послушавъ раза 2-3 рѣчи о революціи, написалъ на малороссійскомъ языкѣ ("украинскаго" тогда еще не было) стихотвореніе, изъ котораго у меня въ памяти задержались слѣдующія строки:

"Ось пришовъ пророкъ велыкій,
Марксомъ прозывався,
Покорывъ царизмъ винъ дыкій,
Тай за працю взявся..."

Этотъ "самородокъ", "краса и гордость русской революціи", какъ выразился бы теперь Троцкій, рыжій, уже не совсѣмъ молодой рабочій, потомъ оказался шпіономъ-провокаторомъ, предавшимъ всю нашу организацію.

Наша группа была первой соціальдемократической организаціей въ Николаевѣ. Успѣхъ насъ взвинчивалъ такъ, что мы находились въ состояніи, такъ сказать, хроническаго энтузіазма. И львиной долей этихъ успѣховъ, мы несомнѣнно были обязаны Бронштейну, неистощимая энергія, всесторонняя изобрѣтательность и неутомимость котораго не знали предѣловъ.

Однажды Бронштейнъ пришелъ ко мнѣ съ проектомъ устроить въ лѣсу маленькій митингъ, на который наши рабочіе должны были привести и своихъ друзей, еще не пріобщенныхъ къ нашей организаціи. Мы съ Бронштейномъ условились, что оба произнесемъ рѣчи. Зная, что агитаціонный багажъ у насъ обоихъ былъ не богатъ, а скудные источники у насъ обоихъ были одни и тѣ же, мы боялись, какъ бы рѣчи наши не оказались идентичными. Поэтому, передъ тѣмъ, какъ отправиться на митингъ, мы сообщили другъ другу планы нашихъ рѣчей. Къ нашей радости оказалось, что рѣчи не совпадаютъ.

Бронштейнъ первый произнесъ свою рѣчь, которая продолжалась минутъ десять. Когда очередь дошла до меня, я струсилъ и своей рѣчи не произнесъ.

Эта рѣчь Бронштейна была его первымъ опытомъ въ области ораторскаго искусства. Надо сознаться, что, не

въ примѣръ его первымъ литературнымъ выступленіямъ, это ораторское выступленіе, отнюдь не обнаруживало того мастера ораторскаго искусства, какимъ впослѣдствіи оказался Троцкій; и его претензіи на наслѣдство Лассаля тогда были рѣшительно преждевременны.

Эту сравнительную неудачу, пожалуй, можно объяснить тѣмъ, что у Бронштейна тутъ не было непосредственнаго ощутимаго объекта, на которомъ онъ могъ бы изощрять свой сарказмъ, свою находчивость, смѣлость и рѣшительность атаки.

Во всякомъ случаѣ, фурора среди слушателей этотъ первый опытъ Бронштейна не произвелъ, хотя наши рабочіе знаками одобренія всячески старались подогрѣть пришедшую публику, которой всего было, можетъ быть, около десятка. Возможно, что и этотъ незначительный размѣръ аудиторіи повліялъ на пылкаго по натурѣ оратора.

Мы скоро завели гектографъ, и въ рабочихъ кварталахъ появилась прокламаціонная литература нашей собственной фабрикаціи. Въ это время къ намъ пріѣхалъ одинъ товарищъ, очень ограниченный и невѣжественный, но обладавшій, въ извѣстныхъ, узкихъ предѣлахъ, практической сметкой. Ему удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборудовать маленькія нелегальныя типографіи. Онъ такъ возомнилъ о себѣ вслѣдствіи этого, что увѣрялъ, будто ему достаточно 100,000 рублей, чтобы произвести въ Россіи революцію. Планъ его былъ очень простъ: на 100,000 рублей онъ можетъ оборудовать 1000 типографій, а этого, по его компетентному мнѣнію, было вполнѣ достаточно, чтобы наводнить Россію нелегальной литературой и такимъ образомъ осуществить революцію. Все это я узналъ отъ Бронштейна, съ которымъ пріѣзжій геній велъ таинственные переговоры.

Не знаю, какъ Бронштейнъ тогда отнесся къ плану сфабриковать революцію за 100,000 рублей путемъ наводненія Россіи печатной бумагой. Его упорные попытки теперь, когда онъ уже находится въ зрѣломъ возрастѣ, ввести соціализмъ путемъ наводненія страны декретами, заставляетъ думать, что идея пріѣзжаго изобрѣтателя тогда глубоко засѣла у него въ головѣ. Опытомъ лишь обнаружено, что къ этой простой идеѣ необходимо не менѣе простое дополненіе въ видѣ усѣкновенія головъ, неспособныхъ должнымъ образомъ воспринять эти декреты.

Какъ бы тамъ ни было, но идея оборудовать малень-

кую типографію Бронштейну, понятно, весьма улыбалась. Вся задержка была лишь въ необходимыхъ для этого ста рубляхъ. И мечту эту ему тогда такъ и не удалось осуществить.

Въ другой разъ онъ пришелъ съ проектомъ печатать нелегальныя брошюры въ типографіи его дяди. По обыкновенію, представленный имъ планъ, былъ заранѣе детально разработанъ, и всѣ мелочи и случайности тщательно предусмотрѣны. Онъ подробно узналъ процедуру, которой подвергаются рукописи въ типографіи, проходя черезъ цензуру, и придумалъ простой способъ обойти ее: послѣ того, какъ легальная рукопись одобрена цензоромъ, она вся удаляется, за исключеніемъ обложки и страницы съ подписью цензора, и вмѣсто нея вставляется нелегальный текстъ.

Ему все это легко было, по его словамъ, устроить, такъ какъ, пользуясь довѣріемъ дяди, онъ имѣлъ свободный доступъ къ его типографіи и безъ труда могъ помѣстить тамъ своего человѣка, въ качествѣ наборщика.

Онъ отлично зналъ, что этимъ способомъ, еслибы онъ и удался, врядъ ли можно было бы воспользоваться болѣе одного раза; во всякомъ случаѣ, скорый провалъ его былъ неизбѣженъ. И при провалѣ, дядѣ его, не имѣвшему никакого отношенія къ революціи и не питавшему сочувствія къ революціонной дѣятельности своего племянника, грозило многолѣтнее тюремное заключеніе и ссылка въ Сибирь съ закрытіемъ типографіи и, стало быть, полнымъ разореніемъ семьи. Но эти мелочи Троцкому и въ голову не приходили. Проектъ, однако, не встрѣтилъ сочувствія по причинѣ этихъ именно "мелочей" и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ августѣ 1897 года я уѣхалъ въ Казань доканчивать свое университетское образованіе. Послѣ моего отъѣзда работа нашей организаціи продолжала расти и расширяться. Литературная дѣятельность Бронштейна и другихъ, несмотря на то, что по прежнему приходилось прибѣгать къ услугамъ примитивнаго гектографа, также быстро росла.

Неукротимая энергія Бронштейна била ключемъ. Онъ затѣялъ выпускать газету, подъ названіемъ "Наше Дѣло". Первый номеръ былъ выпущенъ въ количествѣ 200-300 экземпляровъ. Несмотря на то, что газета была гектографирована, она въ техническомъ отношеніи представляла верхъ совершенства, не только не уступая печатнымъ из-

даніямъ подпольнаго происхожденія, но даже превосходя ихъ. Всѣ статьи были написаны печатными буквами, четко, красиво. Матеріалъ былъ обильно иллюстрированъ картинами, очень хорошо выполненными. Такъ, описанная въ газетѣ стачка мясниковъ въ Парижѣ, была иллюстрирована нѣсколькими картинами-каррикатурами, талантливо составленными самимъ Бронштейномъ. Для этихъ картинъ онъ просмотрѣлъ юмористическіе журналы за нѣсколько лѣтъ и позаимствовалъ все, что хоть сколько-нибудь подходило къ тексту статьи, часто комбинируя заимствованныя иллюстраціи, видоизмѣняя ихъ и т. п.

Всю самую существенную часть технической (не говоря, само собою разумѣется, о литературной) работы вынесъ на своихъ плечахъ Бронштейнъ.

Вышло всего три номера "Нашего Дѣла". Газета имѣла необычайный успѣхъ не только среди рабочихъ, но и во всемъ городѣ. Всѣ говорили о "Нашемъ Дѣлѣ". Градоначальникъ самъ обходилъ мелкія мастерскія для того, чтобы провѣрить сообщенныя въ "Нашемъ Дѣлѣ" факты ужаснаго обращенія съ "учениками".

Въ январѣ 1898 года, когда 4-ый номеръ "Нашего Дѣла" былъ весь составленъ и вполнѣ приготовленъ для гектографированія и даже отчасти отгектографированъ, вся организація сверху до низу, отъ перваго до послѣдняго члена, была арестована. Остался на свободѣ одинъ я, который въ это время находился въ Казани.

Глава третья.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Два года въ одесской тюрьмѣ. — Старшій надзиратель Троцкій. — Переписка съ Бронштейномъ въ тюрьмѣ. — Внезапный поворотъ къ марксизму. — Голодовка. — Припадокъ эпилепсіи.

Въ мартѣ 1898 г. былъ арестованъ и я. Въ апрѣлѣ я очутился въ Одесской тюрьмѣ, гдѣ уже находились Бронштейнъ и всѣ другіе, привлекавшіеся по нашему дѣлу. Тюрьма эта была образцовая, построенная согласно новѣйшимъ требованіямъ тюрьмовѣдѣнія, въ видѣ креста. Каждое крыло креста состояло изъ высокаго корридора, по обѣ стороны котораго были расположены камеры въ четыре этажа. Двери каждой камеры открывались на желѣзную галлерею, идущую вдоль всего этажа. Галлерея каждаго этажа желѣзной лѣстницей соединялась съ галлереей сосѣдняго верхняго и нижняго этажа; кромѣ того, каждая галлерея сообщалась съ соотвѣтствующей галлереей по другую сторону корридора при помощи желѣзнаго мостика.

Внизу, въ центрѣ, гдѣ сходились всѣ четыре крыла тюрьмы, стоялъ старшій надзиратель тюрьмы, которому какъ на ладони, была видна вся тюрьма, содержавшая около 1000 обитателей. Никто не могъ войти въ камеры или выйти изъ нихъ, не будучи замѣченнымъ имъ. Ничто, происходящее у дверей камеръ или на галлереяхъ, не могло ускользнуть отъ его взора. Если младшіе надзиратели хотѣли (за мзду, конечно) дѣлать поблажки отдѣльнымъ арестантамъ, то они могли это дѣлать только съ согласія старшаго надзирателя, тоже не безвозмездно, разумѣется.

Въ случаѣ малѣйшаго нарушенія порядка, всѣ надзиратели, по мановенію руки старшаго надзирателя, въ моментъ могли, по лѣстницамъ и мостикамъ, соединяющимъ галлереи, ринуться къ требуемому стратегическому пункту.

Не только всѣ арестанты были въ почти безконтрольной власти старшаго надзирателя, но также и младшіе над-

зиратели были въ полной зависимости отъ него и боялись его не меньше, чѣмъ арестанты. И арестанты и надзиратели не дрожали такъ передъ начальникомъ тюрьмы, какъ передъ нимъ. И, дѣйствительно, фактически хозяиномъ тюрьмы былъ онъ, а не начальникъ.

Идя на прогулку, свиданіе и т. п., я каждый разъ видѣлъ величественную фигуру старшаго надзирателя, опирающагося на длинную саблю и орлинымъ взоромъ фельдмаршала озирающаго свои владѣнія и чувствовавшаго себя царькомъ; и, поистинѣ, онъ былъ царькомъ.

Фамилія этого старшаго надзирателя была — Троцкій.

Однако политическіе заключенные были исключены изъ его вѣдѣнія. Режимъ для нихъ былъ значительно болѣе суровый, чѣмъ для уголовныхъ. Надзоръ за ними былъ порученъ двумъ жандармамъ, и тюремные надзиратели къ нимъ совсѣмъ не допускались. Изоляція соблюдалась самая строгая. Принимались самыя тщательныя мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать имъ какое-либо сношеніе другъ съ другомъ. Рядомъ со мною, въ сосѣдней камерѣ, сидѣлъ товарищъ по дѣлу, съ которымъ я все время перестукивался; но увидѣть его мнѣ впервые удалось лишь послѣ того, какъ мы были съ нимъ такими близкими сосѣдями втеченіе года.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти строгости, мы всетаки сносились другъ съ другомъ путемъ перестукиванія и контрабандныхъ разговоровъ черезъ окна. Такимъ путемъ я узналъ, что Бронштейнъ незадолго до своего ареста сталъ марксистомъ (дѣйствительно сталъ). Меня это естественно обрадовало, и мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нимъ и побесѣдовать, чтобы убѣдиться, насколько глубокъ и основателенъ происшедшій въ немъ переворотъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы Бронштейнъ, такъ рѣзко осуждавшій марксизмъ, какъ низменное ученіе лавочниковъ и торгашей, могъ цѣликомъ и безъ оговорокъ принять эту точку зрѣнія.

Кое-что мнѣ удалось слышать черезъ окно во время затѣвавшихся тамъ споровъ. Но этого было мало для того, чтобы составить себѣ точное сужденіе; разговоры были коротки, торопливы, отрывочны и часто на самомъ интересномъ мѣстѣ прерывались вмѣшательствомъ жандармовъ.

Надо признать, что и въ этихъ отрывочныхъ спорахъ Бронштейнъ умудрялся обращать вниманіе даже постороннихъ (болѣе интеллигентныхъ уголовныхъ) нечистоплотно-

стью своихъ пріемовъ. Хорошо усвоивъ всѣ пріемы "Эристики" Шопенгауэра, онъ и тутъ въ тюрьмѣ часто слишкомъ явно обнаруживалъ, что заботится не столько о торжествѣ правды, сколько о томъ, чтобы въ данный моментъ сразить своего противника въ глазахъ слушателей, хотя бы путемъ предательской логической подножки. Онъ какъ будто боялся, что жандармы прекратятъ споръ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ добиться нужной ему во что бы то ни стало побѣды. Онъ не могъ допустить, чтобы кто-нибудь, кромѣ него, въ его присутствіи, остался побѣдителемъ; и всѣ средства, ведущія къ цѣли, были хороши.

Такое его отношеніе къ противникамъ уже тогда очень возмущало меня (да и не только меня, конечно). Я старался объяснить себѣ это тѣмъ, что онъ слишкомъ чувствовалъ свое превосходство, былъ всегда увѣренъ въ своей побѣдѣ во всякомъ словесномъ турнирѣ и былъ потому небреженъ въ выборѣ средствъ, торопясь поскорѣй отдѣлаться отъ слабаго противника, которому все равно суждено быть сраженнымъ.

На этой почвѣ у насъ неоднократно возникали ссоры, и мы подолгу не говорили другъ съ другомъ. Какъ у новообращеннаго, однако, у него была сильная потребность къ изліянію, тѣмъ болѣе, что больше некуда было давать выходъ бьющей черезъ край жизненной энергіи. И, можетъ быть, этимъ надо объяснить, что онъ всегда первый протягивалъ руку примиренія. Меня это всегда очень трогало, тѣмъ болѣе, что оно такъ рѣзко противорѣчило всему складу его властнаго характера.

Однажды утромъ я былъ разбуженъ знакомымъ стукомъ въ стѣну: меня спѣшили предупредить, чтобы я, когда буду въ уборной, подобралъ на полу коробочку изъ-подъ спичекъ; тамъ будетъ записка отъ Бронштейна.

Въ это время къ намъ еще не пропускали никакихъ книгъ со стороны, ни газетъ; и письменныя принадлежности запрещались. Путемъ невѣроятныхъ ухищреній намъ иногда удавалось достать маленькій клочекъ бумаги и огрызокъ карандаша. Съ большими предосторожностями писалась маленькая записочка микроскопическими буквами (для экономіи бумаги) и самыми замысловатыми путями доставлялась адресату, часто находившемуся не дальше сосѣдней камеры. Понятно, что очень часто корреспонденція не доходила по назначенію, погибнувъ на одномъ изъ этаповъ.

Можно себѣ представить мою радость, когда изъ подобранной мною коробочки изъ-подъ спичекъ я извлекъ объемистую записку, — цѣлое посланіе, написанное хорошо знакомымъ мелкимъ, четкимъ почеркомъ.

Это было настоящее литературное произведеніе, тѣмъ болѣе цѣнное, что я уже давно никакой литературы, ни писанной, ни печатной, не видалъ, не считая, конечно, Житій Святыхъ и рѣдкихъ, проходящихъ строгую жандармскую цензуру и потому офиціальныхъ и сухихъ, писемъ отъ родныхъ.

Бронштейнъ, при своей кипучей дѣятельной натурѣ, стремящейся къ властвованію и повелѣванію, понятно, болѣе всѣхъ насъ долженъ былъ тяготиться вынужденной бездѣятельностью подъ замкомъ въ четырехъ стѣнахъ маленькой каморки, и съ жадностью ухватился за подвернувшійся случай, чтобы въ литературномъ упражненіи разрядить хоть часть накопившейся и льющей черезъ край энергіи и хоть на бумагѣ излить свою злобу и негодованіе на тѣхъ, которые такъ неожиданно и такъ жестоко прервали его дѣятельность, рисовавшую для него такія яркія перспективы.

А задача была для него, въ этой запискѣ, нелегкая. Онъ долженъ былъ изложить въ ней всю исторію своего ареста, обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, и свои показанія на допросѣ у жандармовъ. Написать все это надо было такъ, чтобы дать мнѣ полное понятіе о томъ, какъ все это произошло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дать уликъ противъ себя, въ томъ случаѣ, если записка будетъ перехвачена. И онъ выполнилъ это мастерски. Письмо было полно искрометнаго сарказма, злой сатиры — блестящій памфлетъ.

Надо помнить, что въ то время политическія дѣла не разбирались даже тѣмъ упрощеннымъ судебнымъ порядкомъ, какимъ они велись послѣ 1904 года и до революціи. Судебная реформа Александра II не коснулась дѣлъ политическихъ, и они велись въ дореформенномъ порядкѣ. Не было ни гласности, ни публичности, ни прочихъ аттрибутовъ дѣйствительнаго суда. Обвиняемые допрашивались жандармами, при чемъ имъ не только не предъявлялись показанія ихъ товарищей по обвиненію, но и показанія "свидѣтелей", освѣдомителей и прочихъ. Они не были субъектами судебнаго разбирательства, а только объектами, матеріаломъ, изъ котораго жандармы, вмѣстѣ съ другими ингредіентами, стряпали болѣе или менѣе стройное "дѣло",

по которому въ Петербургѣ чиновники министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ постановляли приговоры.

Тогда еще не былъ въ ходу, ставшій впослѣдствіи для политическихъ заключенныхъ обязательнымъ, обычай отказа отъ показаній, и большинство обвиняемыхъ совершенно наивно длинными показаніями всячески старались выгородить себя. Понятно, что все это было совершенно безполезно, потому что уже фактомъ ареста приговоръ обыкновенно былъ предрѣшенъ.

Бронштейнъ, конечно, не могъ этого не знать. Если же онъ все-таки давалъ длиннѣйшія показанія, то, я думаю, не столько для того, чтобы себя выгородить (онъ зналъ, что жандармы не вѣрятъ его "1001 ночи", какъ они называли его показанія), сколько для того, чтобы разрядить накопившуюся энергію, злобу и негодованіе и удовлетворить писательской потребности; хотя онъ самъ этого, вѣроятнѣе всего, не сознавалъ. Какъ, между прочимъ, видно изъ этой первой записки, онъ и передъ жандармами не прочь былъ прибѣгнуть къ своей "неотразимой логикѣ". Но первую же его попытку сойти со стези "1001 ночи" и обосновать свое alibi "по логикѣ и здравому смыслу" допрашивавшій его жандармскій полковникъ оборвалъ короткимъ: "А по закону наоборотъ".

Записки посыпались ежедневно, одна за другой. Я получилъ написанную имъ частушку: "Эхъ, и простъ же ты, рабочій человѣкъ"... и т. д. Она потомъ вошла въ сборникъ революціонныхъ пѣсенъ.

Все шло гладко. И я, и Бронштейнъ были очень довольны. Но съ самаго начала, радость наша была омрачена, особенно для Бронштейна: "переписка" была односторонняя. Такъ какъ его камера была ближе къ уборной, то онъ выходилъ всегда раньше меня, и я не имѣлъ возможности воспользоваться его способомъ передачи письма. Если бы я оставилъ въ уборной записку, Бронштейнъ могъ бы подобрать ее только на слѣдующій день. За сутки ее успѣли бы много разъ подобрать уголовные или надзиратели. Невозможность полученія отвѣтовъ отъ меня, естественно очень раздражала его. Со времени обращенія въ марксизмъ, у него такъ много накопилось, что потребность въ обмѣнѣ мнѣніями, была громадна. "Ради Бога, придумай способъ отвѣчать мнѣ", — нервно заканчивалъ онъ каждую записку. Мнѣ этого хотѣлось не меньше, чѣмъ ему. Наконецъ, намъ удалось придумать способъ, очень простой

и удобный, и дававшій намъ возможность безпрепятственно вести регулярную и обширную переписку.

Бронштейнъ, не теряя времени, предложилъ мнѣ открыть дискуссію по какому-нибудь вопросу, и самъ далъ тему: "Роль личности въ исторіи". Я охотно принялъ его предложеніе. Я не зналъ, конечно, насколько полно онъ воспринялъ теорію матеріалистическаго пониманія исторіи. Мнѣ не представлялось, чтобы онъ въ такой короткій срокъ могъ рѣшительно порвать со своей старой точкой зрѣнія и стать на новую, которую онъ, еще такъ недавно, столь энергично и рѣшительно отвергалъ. Самое предложеніе его я понялъ, какъ вполнѣ естественное желаніе, при помощи дискуссіи съ другимъ лицомъ, получше разобраться въ вопросѣ и самому себѣ точнѣе выяснить свою позицію. Поэтому въ своемъ вступительномъ "рефератѣ" я старался выражаться, по возможности, осторожно, избѣгать рѣзкихъ формулировокъ, ставить точки надъ "і", боясь спугнуть начинающійся поворотъ. Я былъ жестоко наказанъ за свою осторожность. Бронштейнъ, что называется, раздѣлалъ меня подъ орѣхъ: "Вполнѣ опредѣленную идею о классовой борьбѣ, ясныя и недвусмысленныя положенія матеріалистическаго пониманія ты потопилъ въ морѣ недоговоренностей и неопредѣленностей"... и т. д., и т. д. Я прямо глазамъ своимъ не вѣрилъ: Бронштейнъ былъ теперь такимъ же рѣшительнымъ и прямолинейнымъ "марксистомъ", какимъ онъ раньше былъ его противникомъ.

Когда и гдѣ успѣлъ онъ столько начитаться? На свободѣ, за революціонной работой у него для этого не было времени, а въ тюрьмѣ, кромѣ "Житій Святыхъ" и "Православнаго Вѣстника" онъ ничего читать не могъ.

Какъ бы тамъ ни было, фразеологію марксистскую, онъ, несомнѣнно, усвоилъ въ совершенствѣ и разсуждать о роли личности, о классовой борьбѣ, значеніи производительныхъ силъ и т. п., онъ могъ, какъ самый заправскій марксистъ, и съ присущимъ ему талантомъ. Но, какъ только онъ пытался отъ усвоенной теоріи перейти къ практикѣ, къ марксистскому творчеству, къ примѣненію матеріалистическаго пониманія исторіи къ живой жизни, онъ неизмѣнно обнаруживалъ полное безсиліе.

Онъ взялся писать о массонствѣ съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Онъ досталъ три или четыре книги по этому вопросу (это было тогда, когда къ намъ уже допускались кой-какія книги) и думалъ, что

этого вполнѣ достаточно. Понятно, что изъ этого ничего не могло выйти и не вышло, и онъ свою затѣю оставилъ.

Однажды, онъ прислалъ мнѣ длинное разсужденіе на тему о сдѣльной и повременной платѣ. (Въ агитаціонныхъ брошюркахъ, — обыкновенно народническаго происхожденія, — велась борьба за повременную плату противъ сдѣльной). Зная, что марксисты основу общественныхъ явленій видятъ въ состояніи и ростѣ производительныхъ силъ, онъ, въ разрѣзъ съ установившимися среди революціонеровъ взглядами, безстрашно защищалъ преимущество сдѣльной платы передъ повременной: она увеличиваетъ интенсивность, а, стало быть, и производительность труда, она даетъ возможность болѣе правильной и научной оцѣнки заработной платы, какой достоинъ тотъ или другой рабочій и т. д. Интересы производства были разобраны имъ прекрасно и исчерпывающимъ образомъ. Въ своемъ увлеченіи, онъ забылъ только, что рабочій является не только матеріаломъ, обслуживающимъ производство, но и субъектомъ, интересы котораго, въ концѣ концовъ, это производство должно имѣть въ виду. Это была система Тэйлора въ зародышѣ*).

Среди политическихъ заключенныхъ было нѣсколько юношей, прямо мальчиковъ, которые къ революціи никакаго отношенія не имѣли и были арестованы только потому, что случайно были знакомы съ тѣмъ или другимъ революціонеромъ. Такихъ юношей держали мѣсяцами. Отцу одного изъ такихъ юношей жандармы заявили, что выпустятъ сына, если отецъ пообѣщаетъ высѣчь его, какъ только тотъ вернется домой.

Это возмутило всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Былъ поднятъ вопросъ о всеобщей голодовкѣ, чтобы такимъ путемъ заставить жандармовъ освободить юношу. Бронштейнъ сталъ во главѣ кампаніи за голодовку. Я вмѣстѣ съ немногими другими былъ противъ.

Сообщаться въ тюрьмѣ, конечно, не легко, а если администрація этого опредѣленно не хочетъ, то и почти совсѣмъ невозможно. Понятно, что мы, противники голодов-

*) Для поднятія неудержимо падающей производительности труда въ промышленности, большевики, какъ извѣстно, одно время очень много говорили, а также дѣлали попытки къ примѣненію системы Тэйлора въ своемъ "соціалистическомъ" государствѣ. И въ этомъ, какъ мы видимъ, зрѣлаго Троцкаго предвосхитилъ юноша — прозелитъ Бронштейнъ.

ки, не могли развить своихъ доводовъ передъ зеленой молодежью, которая, не имѣя возможности разобраться въ сущности вопроса, взвѣсить свои силы и предвидѣть всѣ возможныя послѣдствія, и боясь показаться трусливой, голосовала, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, за то, что ей казалось по внѣшности болѣе революціоннымъ: голодовка была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Но скоро, конечно, обнаружилось, что голодать не такъ легко, какъ голосовать за голодовку; и та же самая очень "революціонная" молодежь первая быстро стала отпадать, предоставивъ продолжать голодовку своимъ вождямъ и всѣмъ сознательнымъ противникамъ ея. Черезъ три дня стало ясно, что голодовка потерпѣла полный крахъ.

Надо было искать благовиднаго предлога для ея полнаго прекращенія. Къ счастью, администрація тюрьмы очень сочувственно къ намъ относилась и всячески старалась помочь намъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили требованіе къ жандармамъ объ освобожденіи невиннаго юноши замѣнить требованіемъ отъ тюремной администраціи (заручившись заранѣе ея согласіемъ на это) разсадить насъ по камерамъ, согласно представленному нами плану. Администрація, конечно, согласилась тѣмъ болѣе охотно, что дѣла наши были дознаніемъ закончены, и строгая изоляція уже теряла всякій смыслъ. По этому плану я съ Бронштейномъ были посажены въ сосѣднія камеры, между которыми, какъ мы раньше знали, было въ стѣнѣ отверстіе (скрытое парашей), черезъ которое можно было свободно сообщаться. Когда насъ такимъ образомъ разсадили, я, воспользовавшись возможностью свободно съ глазу на гласъ поговорить съ Бронштейномъ черезъ отверстіе, указалъ ему на то, что я былъ правъ, когда былъ противъ голодовки. Печальный результатъ ея, казалось, доказывалъ это съ неоспоримой очевидностью. Къ моему крайнему удивленію, Бронштейнъ не только не былъ обезкураженъ, но съ чувствомъ полнаго удовлетворенія находилъ, что, несмотря на отказъ отъ нашего ультимативнаго требованія и на то, что юноша, изъ-за котораго мы голодали, остался въ тюрьмѣ, мы одержали полную побѣду: во-первыхъ, вся Европа будетъ знать объ этомъ; во-вторыхъ, насъ разсадили, какъ мы желали, и. т. д., и т. д.

Это было наше первое тактическое разногласіе.

Вскорѣ насъ ждала новая радость. Жандармское Управленіе разрѣшило намъ общія прогулки (до этого каждый изъ насъ совершалъ одиночную прогулку втеченіе 15-30 минутъ въ день, въ сопровожденіи жандарма). Передъ первой общей прогулкой насъ всѣхъ вмѣстѣ пустили въ тюремную баню. Можно себѣ представить, какой это былъ праздникъ для насъ. Праздникъ этотъ былъ, однако, немного омраченъ маленькимъ приключеніемъ: съ Бронштейномъ случился какой-то припадокъ. Мы это приняли за обморокъ, и скоро успокоились. Впослѣдствіи, когда Бронштейнъ былъ уже заграницей, такіе "обмороки" случались съ нимъ нерѣдко: среди рѣчи на собраніи онъ вдругъ неожиданно падалъ и оставался нѣкоторое время въ безсознательномъ состояніи. Друзья объясняли это "слабостью сердца", хотя онъ, по внѣшности, совсѣмъ не производилъ впечатлѣнія больного человѣка, и, кромѣ этихъ "обмороковъ" ничѣмъ не обнаруживалъ физической слабости. Такой же "обморокъ" случился съ нимъ на судѣ при разборѣ его дѣла о Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ въ 1906 году. Изъза этого пришлось даже пріостановить разборъ дѣла и отложить его. Л. Г. Дейчъ, съ которымъ Бронштейнъ былъ очень близокъ заграницей, сообщилъ мнѣ во время своего пребыванія въ Нью-Іоркѣ (1911-1916 гг.), какъ объ извѣстномъ и установленномъ фактѣ, что эти припадки были эпилептическіе. Я лично присутствовалъ только при описанномъ припадкѣ въ одесской тюрьмѣ. Но, судя по всей обстановкѣ припадковъ и по отрицательнымъ, въ другихъ отношеніяхъ, даннымъ со стороны его физической конструкціи, надо думать, что припадки эти происходили, дѣйствительно, на почвѣ эпилепсіи.

Многіе черты его характера также невольно наталкиваютъ на такое предположеніе: рѣзко выраженный эготизмъ, гипертрофированное самомнѣніе, чрезмѣрное и болѣзненное самолюбіе, стремленіе къ экстравагантности въ рѣчи, писаніяхъ и поступкахъ, извѣстнаго рода придирчивый педантизмъ (пресловутая "логика"), проявляющейся даже въ четкомъ, аккуратномъ почеркѣ, и т. п.

Правда, всѣ эти черты могутъ, конечно, присутствовать и у не эпилептиковъ. Но въ психопатологіи, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой области, весь вопросъ — въ степени.

Глава четвертая.

ЭТАПЪ И ССЫЛКА.

Въ Бутыркахъ въ 1900 г. — Бракъ съ А. Соколовской. — "Бунтъ" въ тюрьмѣ. — Ссылка въ Иркутскую губ. — Бронштейнъ-Антидъ-Ото въ "Восточномъ Обозрѣніи". — Приглашеніе его въ редакцію женевской "Искры".

Въ ноябрѣ 1899 года, послѣ того, какъ Бронштейнъ и его товарищи просидѣли около двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ, изъ петербургскихъ канцелярій получились, наконецъ, приговоры. Бронштейнъ, ожидавшій, по меньшей мѣрѣ, заключенія въ крѣпости, былъ пріятно изумленъ, узнавъ, что его приговорили къ четыремъ годамъ ссылки въ Восточную Сибирь. Меня приговорили къ тремъ годамъ ссылки туда же.

Начались сборы въ дорогу, которые внесли нѣкоторое разнообразіе въ нашу монотонную жизнь.

Вмѣстѣ съ уголовными арестантами мы этапнымъ порядкомъ были отправлены черезъ Кіевъ, Курскъ въ Москву, въ пересыльную тюрьму (Бутырки). Въ Бутыркахъ насъ разсадили въ башняхъ, помѣщающихся въ четырехъ углахъ каменной ограды тюрьмы, — мужчинъ въ Часовой башнѣ, женщинъ въ Пугачевской. Въ этихъ башняхъ политическіе сидѣли подолгу, пока ихъ не собиралось такое количество, что они составляли цѣлую партію для отправки въ Сибирь. Передъ нашимъ приходомъ была отправлена такая партія. Мы были первыми въ новой партіи, и намъ пришлось ждать около полугода. Насъ было пятеро, всѣ по одному дѣлу: Бронштейнъ, И. Соколовскій (впослѣдствіи редакторъ закрытой большевиками газеты "Одесскія Новости"), Г. Соколовскій, С. Гуревичъ и я. Мы всѣ были помѣщены въ большой круглой камерѣ на второмъ этажѣ башни, съ круглымъ столомъ посрединѣ, придававшимъ ей намекъ на уютъ и комфортабельный видъ, съ десятью кроватями, расположенными радіусами, и столиками возлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ больницѣ. Дверь камеры днемъ не замыка-

лась, такъ что мы свободно могли выходить въ маленькій дворикъ при башнѣ, отгороженный высокимъ желѣзнымъ заборомъ отъ остальнаго огромнаго двора огромной пересыльной тюрьмы. Калитка въ этомъ заборѣ всегда была заперта на замокъ и съ нами въ этой маленькой придаточной тюрьмѣ постоянно былъ запертъ одинъ надзиратель. Не имѣя надъ собой постояннаго надзора старшихъ, надзиратели эти предоставляли намъ довольно широкій просторъ, и мы чувствовали себя довольно хорошо, особенно въ первое время, когда мы еще находились въ медовомъ мѣсяцѣ нашего наслажденія совмѣстнымъ житьемъ, послѣ почти двухлѣтняго одиночнаго заключенія.

Еще въ Одессѣ, задолго до отправки въ ссылку, всѣ тѣ, у кого были невѣсты или женихи, поспѣшили запастись разрѣшеніями на вѣнчаніе и обвѣнчались. Тѣ, у кого невѣстъ не было, фиктивно обвѣнчались, чтобы въ отдаленой ссылкѣ не очутиться въ полномъ одиночествѣ.

Бронштейнъ и А. Соколовская въ этомъ отношеніи наткнулась на неожиданное препятствіе въ лицѣ отца Бронштейна. Такъ какъ Лева былъ несовершеннолѣтнимъ, то ему не давали разрѣшенія на бракъ безъ согласія его отца. А отецъ самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился этому браку (Соколовская была, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ старше Бронштейна). Лева рвалъ и металъ, и боролся со всей энергіей и упорствомъ, на какія онъ былъ способенъ. Но старикъ былъ не менѣе упоренъ и, имѣя преимущество пребыванія по ту сторону ограды, остался побѣдителемъ.

По пріѣздѣ въ Москву, Бронштейнъ немедленно принялся за хлопоты о бракѣ, и скоро добился успѣха. Эта борьба на нѣкоторое время дала пищу искавшей выхода энергіи его. Жизнь скоро потекла интересно (насколько это возвожно въ тюрьмѣ) и, сравнительно съ Одессой, очень разнообразно. Мужчинамъ два раза въ недѣлю давали свиданія съ женщинами на правахъ мужей, братьевъ, кузеновъ и т. п. Свиданія давались всѣмъ сразу въ одномъ мѣстѣ, безъ строгаго ограниченія времени и съ весьма слабымъ надзоромъ, такъ что эти свиданія носили характеръ маленькихъ интимныхъ собраній близкихъ людей, связанныхъ узами тѣсной дружбы и общностью идей.

Не знаю, какъ наши женщины, но мужчины къ свиданіямъ готовились очень тщательно, и всѣхъ тщательнѣе Бронштейнъ. На свиданіяхъ онъ обнаруживалъ трога-

тельную нѣжность не только къ своей невѣстѣ, а потомъ женѣ А. Соколовской, но и ко всѣмъ остальнымъ дамамъ, приходившимъ на свиданіе къ своимъ мужьямъ, братьямъ и т. п. и очаровывалъ всѣхъ ихъ своимъ рыцарствомъ. Когда дамы предложили намъ прислать имъ наше бѣлье для починки, Бронштейнъ съ негодованіемъ отвергъ это, какъ устарѣлый предразсудокъ, возлагающій на женщину непріятную работу, и самъ починялъ свое бѣлье.

По возвращеніи со свиданія, весь избытокъ нѣжности онъ продолжалъ расточать намъ: ласкалъ, цѣловалъ, обнималъ и т. п.

Я уже указывалъ на припадки нѣжности въ Бронштейнѣ до ареста, въ разгарѣ перваго увлеченія политической дѣятельностью.

Теперь, когда протекло столько времени, заполненнаго столькими событіями и превращеніями, каждый разъ, когда я вспоминаю объ этихъ нѣжностяхъ Бронштейна, въ воображеніи моемъ неизмѣнно встаетъ также фигура деспотическаго императора Павла I съ его исключительной сентиментальностью и припадками неистощимой нѣжности.

А вотъ, что пишетъ Б., одна изъ тѣхъ женщинъ-товарищей, которая вмѣстѣ съ нами въ описываемый періодъ сидѣла въ Бутырской пересыльной тюрьмѣ, съ которой Бронштейнъ встрѣчался на описанныхъ интимныхъ собраніяхъ-свиданіяхъ, и которую онъ впослѣдствіи удостоилъ своей дружбой: "Когда я узнала въ 1906 году, что Лева арестованъ и сидитъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, мнѣ очень захотѣлось написать ему (мы не переписывались уже нѣсколько лѣтъ), что я и сдѣлала. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Теперь, когда знаешь, во что выродился Бронштейнъ, когда съ устъ этого человѣка только срываются слова въ родѣ "безпощадно расправиться", "уничтожить", "разстрѣлять", трудно допустить, что письмо, полученное тогда мною, писано было этимъ самымъ человѣкомъ, — столько въ немъ было задушевности, нѣжности, теплоты и ласки. Мнѣ очень жаль, что я не сохранила этого письма. Это былъ несомнѣнно интересный психологическій документъ.

Начиналось письмо съ того, что лежалъ онъ (Бронштейнъ) какъ то въ камерѣ своей въ особенно придавлен-

номъ настроеніи*). Въ голову лѣзли самыя мрачныя мысли, будущее казалось такимъ неприглядннымъ, на душѣ мракъ и ужасъ. Вдругъ надзиратель входитъ и подаетъ мое письмо. Въ мигъ камера преобразилась, точно добрый геній ворвался съ письмомъ. Что сталось съ тоской и душевнымъ смятеніемъ? Они уплыли куда-то вдаль; ему сдѣлалось легко и хорошо, и опять захотѣлось жить и вѣрить во все лучшее. И такъ далѣе, и такъ далѣе на многихъ, многихъ страницахъ. И столько тепла, столько ласки, нѣжности. Неужели Лева Бронштейнъ и Троцкій одно и то же лицо?.."

Пользуясь довольно широкой "автономіей" въ предѣлахъ нашей башни съ отгороженнымъ вмѣстѣ съ ней уголкомъ двора, мы не лишены были связей и съ внѣшнимъ міромъ, откуда намъ доставлялись деньги, провизія, одежда, необходимыя для далекаго путешествія въ Восточную Сибирь. Доставлялись намъ также въ обиліи и книги. До насъ доходили почти всѣ новинки. Къ намъ попала только что дошедшая до Россіи извѣстная книга Э. Бернштейна ("Предпосылки соціализма") на нѣмецкомъ языкѣ, впервые открыто обосновывавшая ревизіонизмъ въ марксизмѣ. Въ нашей камерѣ она вызвала страшное возбужденіе, и мы всѣ съ жадностью ухватились за чтеніе. Всѣ мы горѣли нетерпѣніемъ убѣдиться, сколько правды во всемъ томъ, что мы слыхали объ этой ужасной книгѣ. Книга подвергала сомнѣнію все, что мы, марксисты, считали непререкаемой истиной. И всѣ мы единодушно отвергли ее; никакихъ разногласій на ея счетъ у насъ не было. Получали мы и другія книги, недостатка въ нихъ у насъ не было.

Но Бронштейнъ не обнаруживалъ большой склонности къ систематическому чтенію. Жажда пополнить свое образованіе, накопить побольше знаній, столь естествен-

*) Надо помнить, что тогда Бронштейнъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ первымъ Петербургскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ онъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ руководителей и вершителей. Несомнѣнно, у него уже тогда начала кружиться голова и честолюбіе рисовало ему самыя увлекательныя перспективы; и вдругъ арестъ: онъ сидитъ въ тѣсной каморкѣ, какъ въ клѣткѣ, а Россія молчитъ и не рвется вырвать на свободу своего героя. Есть отъ чего придти въ отчаяніе.

ная, казалось бы, въ молодомъ и талантливомъ человѣкѣ, была въ значительной степени чужда Левѣ Бронштейну. Это тѣмъ болѣе странно, что Бронштейнъ не могъ не видѣть, и онъ, дѣйствительно, прекрасно видѣлъ, что его талантливость поражаетъ всѣхъ его окружающихъ и приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, но ему некогда было тратить себя на то, чтобы учиться и получать наставленія: онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поучать другихъ и повелѣвать ими. Онъ началъ писать романъ, въ которомъ, въ беллетристической формѣ хотѣлъ развить марксистскую точку зрѣнія на россійскую общественную дѣйствительность. Понятно, что для этого, при всемъ его талантѣ, у него не хватило ни матеріала, ни знанія; и онъ скоро оставилъ эту затѣю.

Избытокъ энергіи однако искалъ выхода. Ему пришла въ голову идея воспользоваться тою сравнительною свободою отъ надзора, которою мы были окружены внутри башни для устройства тамъ тайной типографіи. Онъ разработалъ всѣ детали, какъ технической постановки дѣла и полученія нужнаго матеріала, такъ и доставки готовой работы въ городъ. Онъ передалъ свой проектъ мѣстной революціонной организаціи въ городѣ.

То ли, эта затѣя показалась слишкомъ фантастической, по другой ли какой причинѣ, но она горячаго отклика за оградой башни и тюрьмы не встрѣтила и такимъ образомъ заглохла.

Время тянулось. Шли мѣсяцы. Наша башня постепенно наполнялась новыми заключенными, предназначенными для пополненія нашей партіи, но она далеко еще не была полна.

Составъ заключенныхъ былъ теперь очень разношерстный. Пребываніе въ общей камерѣ становилось все болѣе тягостнымъ, утомительнымъ, и начало вредно отзываться на состояніи нашихъ нервовъ. Мы, члены первоначальнаго кружка, обратились къ начальнику тюрьмы съ просьбой перевести насъ въ другую башню, гдѣ нѣтъ общихъ камеръ. Мы знали, что при слабости высшаго надзора въ башнѣ, будучи формально въ одиночныхъ камерахъ (камеры тамъ сходятся радіусами въ одинъ общій корридоръ), мы, освободившись отъ всѣхъ неудобствъ общей камеры, имѣли бы всѣ преимущества и одиночнаго и общаго заключенія. Начальникъ намъ от-

казалъ на томъ основаніи, что одиночное заключеніе пересыльнымъ назначается только за провинности, а мы ни въ чемъ не провинились. Сверхъ всякаго ожиданія, скоро намъ представился блестящій случай провиниться. И мы, къ нашему общему удовольствію, были переведены въ башню съ одиночными камерами.

Случилось это такъ.

Однажды, когда Бронштейнъ, я и еще нѣсколько человѣкъ сидѣли въ камерѣ, со двора прибѣжалъ взволнованный товарищъ и сообщилъ, что Илью Соколовскаго, и еще одного или двухъ, явившійся неожиданно во дворикъ башни начальникъ тюрьмы отправилъ въ карцеръ за то, что они не сняли шапокъ при его приходѣ. Всѣ всполошились. Надо было немедленно реагировать. На этотъ счетъ спора не могло быть. Бронштейнъ сразу овладѣлъ положеніемъ. На фонѣ однообразной жизни въ предѣлахъ башенки, предстоящее выступленіе и ожидаемое столкновеніе съ начальникомъ тюрьмы представлялось большимъ дѣломъ, и Бронштейнъ заранѣе настраивалъ себя на боевой ладъ. На короткомъ совѣщаніи было рѣшено выйти во дворикъ всѣмъ въ шапкахъ, потребовать отъ надзирателя дать тревожный сигналъ для вызова начальника. Шапокъ мы, конечно, при его приходѣ, не снимаемъ. Дальнѣйшее будетъ диктоваться обстоятельствами.

Надзиратель растерялся, дать тревожный сигналъ, однако, отказался. Мы всѣ столпились около него. Бронштейнъ, стоя впереди всѣхъ, вынулъ часы и, держа ихъ передъ собой, торжественно заявилъ надзирателю: "Даю двѣ минуты на размышленіе". Когда срокъ ультиматума истекъ, Бронштейнъ, отодвинувъ несопротивлявшагося надзирателя въ сторону, величественнымъ жестомъ надавилъ кнопку. Затѣмъ мы всѣ, надвинувъ шапки на головы, вышли во дворикъ. Черезъ короткое время щелкнулъ замокъ желѣзной калитки, она съ шумомъ распахнулась, и во дворикъ, окруженный огромной свитой вооруженныхъ надзирателей, влетѣлъ начальникъ.

"Почему шапки не снимаешь?" — заоралъ онъ, кинувшись къ Бронштейну, стоявшему впереди всѣхъ и, повидимому, имѣвшему наиболѣе вызывающій видъ: "А ты почему шапки не снимаешь?" — съ достоинствомъ отвѣтилъ Бронштейнъ. "Въ карцеръ его!"

Нѣсколько дюжихъ надзирателей подхватили Бронштейна и унесли въ карцеръ. Съ тѣмъ же крикомъ на-

чальникъ подбѣжалъ ко мнѣ и другимъ, съ тѣми же результатами.

Въ карцерѣ мы просидѣли сутки, послѣ чего насъ, всѣхъ участниковъ "бунта", перевели въ башню съ одиночными камерами, и мы вздохнули съ облегченіемъ: наша давнишняя мечта сбылась.

Послѣ этого мы не долго оставались въ московской пересыльной тюрьмѣ. 3-го мая 1900 года насъ, наконецъ, отправили. Мы ѣхали безъ пересадки до Иркутска въ отдѣльномъ вагонѣ. Конвой обращался съ нами хорошо, и это путешествіе было довольно пріятнымъ. Оно продолжалось 13 дней, насъ изъ вагона все время не выпускали, и къ намъ никого не впускали. Бронштейнъ, однако, ни къ чему не обнаруживалъ никакого интереса. Онъ весь былъ поглощенъ А. Соколовской.

Мы прибыли въ Иркутскъ. Тамъ въ тюрьмѣ я провелъ недѣлю вмѣстѣ съ Бронштейномъ и другими товарищами. Затѣмъ мы разстались: насъ разослали въ разныя мѣста. Бронштейна я, однако, не потерялъ изъ виду. Связь между нами поддерживалась перепиской; хотя надо сознаться, поддерживалась она не очень дѣятельно, а потомъ и совсѣмъ прекратилась: не было реальныхъ связей и общихъ захватывающихъ интересовъ.

За то я имѣлъ возможность слѣдить за нимъ по печати. Въ Иркутскѣ выходила прогрессивная газета "Восточное Обозрѣніе", которую читали всѣ ссыльные, и въ которой почти всѣ они сотрудничали (присылая корреспонденціи о мѣстной жизни, часто содержавшія очень интересный и цѣнный этнографическій матеріалъ).

Такой человѣкъ, какъ Бронштейнъ, не могъ не обратить на себя вниманія, и редакція скоро заключила съ нимъ лестно-выгодный для него, по условіямъ того времени, договоръ о сотрудничествѣ.

При отправкѣ первой статьи, однако, возникъ очень серьезный вопросъ о псевдонимѣ. Рѣшить его было не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Назвать себя, какъ большинство поступало, по какому нибудь женскому имени: Тасинъ, Манинъ, Ленинъ, Мартовъ и т. п., или по мѣсту жительства, Ангарскій, Ленскій, Печерскій и т. п. Бронштейнъ, разумѣется, не могъ уже хотя бы потому, что такъ дѣлали другіе, а онъ не могъ быть "какъ другіе". Самымъ простымъ выходомъ было бы назвать себя своей настоящей фамиліей, это было бы

въ высшей степени оригинально: никто такъ не поступалъ. Но это было еще болѣе невозможно. Этого вопроса онъ даже не ставилъ. Назвать себя Бронштейномъ значило навсегда прикрѣпить къ себѣ ненавистный ярлыкъ, указывающій на его еврейское происхожденіе. А это было какъ разъ то, о чемъ онъ хотѣлъ, чтобы всѣ, какъ можно скорѣе и основательнѣе, забыли. Его отчужденіе отъ родителей въ ранней молодости, пожалуй, въ значительной степени можно объяснить нежеланіемъ имѣть передъ собою слишкомъ реальное напоминаніе о его національности: отецъ имѣлъ типичныя черты и повадки еврея.

Наконецъ, выходъ былъ найденъ. Бронштейнъ открылъ имѣвшійся подъ рукой итальянскій словарь, и первое слово на страницѣ должно было стать его псевдонимомъ. Слово это оказалось "Antidoto" (противоядіе). И Бронштейнъ назвалъ себя "Антид Ото".

Успѣхъ его въ газетѣ былъ такой, что о большемъ и мечтать невозможно было. Его честолюбіе должно было получить полное удовлетвореніе; во всякомъ случаѣ, максимумъ того, на что можно было расчитывать при данныхъ обстоятельствахъ.

Но, понятно, что эта литературная дѣятельность въ сравнительно маленькой газеткѣ, къ тому же находящейся за тысячи верстъ, не могла заполнять и далеко не заполняла его жизни. У него оставалось очень много свободнаго времени и ищущей выхода энергіи, которую рѣшительно некуда было расходовать. И онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ играхъ и развлеченіяхъ, которыми ссыльные старались скоротать время. Особенно пристрастился онъ къ крокету, отчасти, можетъ быть, потому, что характеръ этой игры, болѣе, чѣмъ всякой другой, давалъ особый просторъ проявленію его природной ловкости, сообразительности и находчивости. И тутъ, какъ всюду и во всемъ остальномъ, гдѣ ему представлялся случай такъ или иначе проявить свою индивидуальность, Бронштейнъ органически не переносилъ соперниковъ рядомъ съ собой; и одержать побѣду надъ нимъ въ крокетѣ было самымъ вѣрнымъ средствомъ пріобрѣсть злѣйшаго врага въ немъ.

Слава о литературныхъ талантахъ Бронштейна росла и скоро дошла до заграничныхъ революціонныхъ кружковъ. Руководящимъ органомъ русскихъ соціальдемократовъ въ то время была издававшаяся въ Женевѣ и тайно

переправлявшаяся въ Россію газета "Искра". Несмотря на то, что во главѣ ея стояли такія силы, какъ Г. В. Плехановъ, родоначальникъ научнаго соціализма въ Россіи; его не менѣе великій антиподъ Ленинъ, вождь большевиковъ и вершитель судебъ Россіи впослѣдствіи, Аксельродъ, Засуличъ, Дейчъ, Потресовъ, Мартовъ, — "Искра" не могла пренебречь такою восходящею звѣздою, какъ Бронштенъ. И онъ получилъ приглашеніе принять активное участіе въ газетѣ. Бронштейнъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ бросилъ крокетъ, жену и двухъ дѣтей (второй только что родился) и бѣжалъ изъ ссылки, пробывъ тамъ около года. На время я потерялъ его изъ вида.

Глава пятая.

ЗАГРАНИЦЕЙ.

II-ой съѣздъ Р. С. Д. Р. П. и расколъ въ партіи. — Большевики и меньшевики. — Бронштейнъ-Троцкій, Плехановъ и Ленинъ.

Въ ноябрѣ 1902 года я, окончивъ срокъ ссылки, вернулся въ Николаевъ. Тамъ мнѣ скоро пришлось съ головой окунуться въ дѣла мѣстной соціальдемократической организаціи. Хотя память о Sturm und Drang періодѣ временъ Львова (Бронштейна) еще не умерла, но организація влачила жалкое существованіе. Въ то время, какъ при Бронштейнѣ подпольно-общественное дѣло было все, а частная жизнь революціонера была лишь придаткомъ къ ней (вспомните "Вѣра безъ дѣла мертва есть"), — теперь интеллигенты, стоявшіе во главѣ организаціи, были заняты своими частными дѣлами, отдавая революціи лишь крохи свободнаго отъ личныхъ дѣлъ времени, да и то еще съ опаской, какъ бы не повредить себѣ и своей кое-какъ налаженной маленькой карьерѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, дѣла шли черезъ пень-колоду.

При помощи привезенныхъ изъ Сибири связей мнѣ удалось организовать болѣе правильную доставку нелегальной литературы. Я устроилъ полученіе единичныхъ экземпляровъ "Искры", завелъ связи съ нелегальной типографіей "Организаціоннаго комитета" и сталъ печатать листки. Скоро организація наша пополнилась притокомъ нѣсколькихъ новыхъ интеллигентныхъ силъ, и мы сообща дружно взялись за работу. Мы возобновили изданіе "Нашего Дѣла", уже въ печатномъ, а не гектографированномъ видѣ, начавъ съ 4-го номера, того номера, на которомъ остановился Бронштейнъ.

Работа въ организаціи освѣжилась и оживилась. Незамѣтно прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Между нашей организаціей и соціальдемократическими организаціями другихъ городовъ завязались болѣе или менѣе прочныя

связи. И мы послали своего делегата на партійный съѣздъ, состоявшійся въ Лондонѣ въ 1903 году.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали результатовъ этого съѣзда, долженствовавшаго объединить всѣ разрозненныя соціальдемократическія организаціи въ Россіи въ единую цѣлостную партію. Но насъ ожидало разочарованіе. Посланный нами делегатъ не вернулся. Отчетъ о съѣздѣ намъ былъ представленъ субъектомъ, позорно прославившимся на съѣздѣ и извѣстнымъ со времени этого съѣзда подъ кличкой Гусева. Этотъ Гусевъ былъ однимъ изъ тѣхъ надежныхъ эмиссаровъ, которыхъ приверженцы Ленина, оказавшіеся на съѣздѣ въ большинствѣ и получившіе впослѣдствіи названіе большевиковъ, поспѣшили разослать по организаціямъ въ Россіи и заграницей для того, чтобы въ нужномъ для Ленина свѣтѣ изобразить результаты съѣзда. "Отчетъ" Гусева никого изъ насъ не удовлетворилъ. Онъ, очевидно, не договаривалъ, глухо намекая на то, что меньшинство затѣваетъ какія-то каверзы противъ большинства и выбранныхъ съѣздомъ органовъ, что оно чуть не готовится къ расколу. Отъ того же Гусева мы узнали, что нашъ землякъ Бронштейнъ, который тоже былъ на съѣздѣ, заручившись изъ Женевы мандатомъ отъ Сибирской организаціи, также находится въ этомъ меньшинствѣ, и, понятно, играетъ видную роль среди "бунтовщиковъ".

Участіе Бронштейна, о преданности дѣлу котораго у насъ у всѣхъ остались лучшія воспоминанія, еще больше увеличило наше недоумѣніе.

Что-то непоправимое случилось на съѣздѣ: но что именно, мы не знали.

Тѣмъ временемъ я очутился въ одесской тюрьмѣ, такъ и не разъяснивъ своихъ недоумѣній.

Въ тюрьмѣ я встрѣтился съ В. Н. Малянтовичемъ, впослѣдствіи товарищемъ министра Почтъ и Телеграфовъ при Керенскомъ, и другими товарищами по партіи. Воспитанные на идеяхъ строгой партіной дисциплины въ духѣ Германской Соціальдемократической Партіи, мы всѣ единодушно осуждали "бунтовщиковъ"-меньшевиковъ и лойяльно считали себя сторонниками большевиковъ.

Позже намъ удалось устроиться такъ, что мы довольно регулярно стали получать "Искру". Она на съѣздѣ была объявлена центральнымъ органомъ партіи; но, по странному стеченію обстоятельствъ, возможному только въ

подпольѣ, очутилась цѣликомъ въ рукахъ меньшевиковъ. Они, естественно, поспѣшили сдѣлать ее органомъ для развитія своихъ диссидентскихъ взглядовъ.

Чѣмъ больше я читалъ "Искру", тѣмъ болѣе я недоумѣвалъ: каждая статья развивала идеи, подъ которыми я не только не могъ не подписаться обѣими руками, но которыя явно и очевидно вытекали изъ всѣми нами всегда признававшихся основныхъ принциповъ.

Чего же большевики хотятъ?

Среди другихъ статей были также блестящія, негодующія статьи Бронштейна, возбуждавшія въ читателѣ возмущеніе противъ Ленина и его чисто нечаевскихъ пріемовъ.

Ровно черезъ годъ послѣ ареста, въ сентябрѣ 1904 года, я былъ освобожденъ изъ тюрьмы.

Въ Одессѣ, какъ и въ другихъ городахъ, въ это время борьба между большевиками и меньшевиками была въ полномъ разгарѣ. Суть разногласій между ними уже вполнѣ опредѣлилась. Большевики стремились углубить заговорщическій характеръ партіи съ самымъ строгимъ подчиненіемъ центру, т. е. Ленину, жившему заграницей. Въ пріемахъ большевиковъ всегда проглядывало недовѣріе къ массамъ, боязнь, какъ бы массы, предоставленныя самимъ себѣ на пути самодѣятельности, не ускользнули отъ ихъ вліянія и не подпали подъ вредное чужое.

Меньшевики залогъ успѣха партіи и будущей революціи видѣли въ развитіи самодѣятельности въ массахъ и настаивали на использованіи всякой представляющейся возможности въ этой области.

Такъ какъ для самодѣятельности широкихъ массъ, по тогдашнимъ условіямъ, представлялось очень мало простора, то борьба между большевиками и меньшевиками постепенно стала вырождаться въ безплодную чисто организаціонную склоку.

Въ это время изъ за-границы получилась брошюрка Бронштейна: "Наша тактика". Она уже вышла не подъ псевдонимомъ Антида Ото, а Н. Троцкаго.

Какъ только я впервые увидѣлъ этотъ псевдонимъ, въ моей памяти невольно всплыла импозантная фигура Троцкаго, старшаго надзирателя одесской тюрьмы, величественно опирающагося на свою длинную саблю и изъ своего центра держащаго въ рукахъ всю тысячную толпу непривыкшихъ къ покорности и повиновенію обитателей

тюрьмы, всѣхъ младшихъ надзирателей и даже самого начальника тюрьмы.

Сильная и властная фигура Троцкаго несомнѣнно произвела глубокое впечатлѣніе и на Бронштейна.

И чѣмъ болѣе я знакомился съ дѣятельностью Бронштейна впослѣдствіи, тѣмъ больше росла во мнѣ увѣренность, что Бронштейнъ свою новую фамилію позаимствовалъ у царька одесской тюрьмы.

Когда въ 1918 году я встрѣтился въ Одессѣ съ Ильей Соколовскимъ, который находился въ одномъ мѣстѣ съ Бронштейномъ во время его побѣга изъ Сибири и, возможно, принималъ участіе въ организаціи этого побѣга, я подѣлился съ нимъ моими соображеніями о происхожденіи псевдонима Бронштейна.

Онъ поднялъ меня на смѣхъ. По его словамъ, произошло это гораздо болѣе просто. Бронштейнъ досталъ паспортъ мѣстнаго жителя Троцкаго и съ этимъ паспортомъ бѣжалъ.

Каково бы ни было происхожденіе этого псевдонима, онъ представлялся какъ нельзя болѣе удобнымъ способомъ отвязаться, наконецъ, отъ ненавистной еврейской фамиліи и навсегда принять фамилію чисто русскую.

Насколько для него важно было избавиться отъ фамиліи, напоминающей о его связи съ еврейской націей, можно судить по тому, что послѣ захвата власти въ октябрѣ 1917 года, когда, казалось, руки большевиковъ были полны самыхъ неотложныхъ работъ по коренному преобразованію страны и борьбы не на жизнь, а на смерть съ еще живой "контръ-революціей", однимъ изъ первыхъ ихъ актовъ, въ самые первые дни ихъ господства, былъ декретъ о томъ, что всякій гражданинъ имѣетъ право, при желаніи, перемѣнить свою фамилію, для чего этимъ же декретомъ устанавливалась очень упрощенная процедура.

Кому, кромѣ Троцкаго, Стеклова и еще небольшой кучки рвущихся въ исторію отщепенцевъ, была такая спѣшная надобность въ этомъ въ такое горячее время?*).

*) Когда делегація изъ почетныхъ евреевъ обратилась къ Троцкому, какъ еврею, съ просьбой воздѣйствовать на своихъ товарищей-большевиковъ и не губить пріобрѣтеній февральской революціи, впервые давшей евреямъ права гражданъ въ Россіи, онъ пришелъ въ бѣшенство отъ такого напоминанія о его національности и въ негодованіи заявилъ: "Я не еврей, а интернаціоналистъ".

Въ указанной брошюркѣ "Наша тактика", Троцкій (будемъ теперь такъ называть его) впервые попытался стройно и систематически изложить основныя черты тактики меньшевиковъ, отличавшія ее отъ тактики большевиковъ.

Въ это время Троцкій находился подъ сильнымъ вліяніемъ П. Б. Аксельрода, одного изъ пяти основателей первой въ Россіи соціальдемократической "Группы Освобожденія Труда". И "Наша тактика" была лишь распространенной передачей тогдашнихъ идей Аксельрода.

Въ одномъ мѣстѣ этой брошюры, Троцкій въ нѣсколькихъ словахъ даетъ характеристику каждаго изъ досъѣздовскихъ лидеровъ партіи. Съ наибольшимъ уваженіемъ онъ, понятно, относится къ Аксельроду. Аксельродъ, — говорится въ брошюрѣ, — пишетъ мало, но каждая его фраза является для другихъ темой для большихъ статей. Мартовъ — это Добролюбовъ партіи. Тамъ же, гдѣ надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю, тамъ на первомъ мѣстѣ выступалъ Ленинъ.

Несмотря на лестную аттестацію, самъ Аксельродъ, какъ мнѣ уже тогда приходилось слышать, былъ далеко недоволенъ брошюрой Троцкаго и тѣмъ, какъ онъ изложилъ его идеи. Онѣ получили слишкомъ упрощенный и схематическій видъ.

Какъ бы тамъ ни было, брошюрка рѣзко отличается отъ большинства другихъ произведеній Троцкаго. Въ ней совершенно нѣтъ того искрометнаго блеска, составлявшаго столь характерную черту его памфлетовъ впослѣдствіи, и она ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется въ ряду многихъ другихъ болѣе или менѣе хорошихъ брошюръ. Она лишена чертъ оригинальности, въ ней отсутствуетъ отпечатокъ индивидуальности автора.

И это вполнѣ естественно. Меньшевизмъ совершенно несовмѣстимъ со всѣмъ складомъ характера Троцкаго. Его мѣсто скорѣе было тамъ, гдѣ находился Ленинъ, гдѣ "надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю". Но тамъ первое мѣсто было занято самимъ Ленинымъ, который уже тогда явно представлялъ такую крупную величину и занималъ такое выдающееся положеніе, что нечего было и мечтать не только о томъ, чтобы занять его мѣсто, но даже стать рядомъ съ нимъ.

А Троцкій никогда не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые могутъ занимать второе мѣсто или даже терпѣть

кого-либо рядомъ съ собой. Единственный выходъ оставался — стать въ ряды "бунтовщиковъ"; тамъ была надежда выдвинуться въ первые ряды и занять впослѣдствіи первое мѣсто.

Плехановъ, бывшій среди меньшевиковъ, конечно, былъ бы конкуррентомъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Ленинъ. Но, во-первыхъ, на съѣздѣ Плехановъ былъ съ большинствомъ, руководимымъ Ленинымъ; во-вторыхъ, онъ никогда въ организаціонныхъ дѣлахъ большой роли не игралъ, будучи по существу теоретикомъ. А теорія именно всегда мало привлекала Троцкаго. И съ перваго же личнаго знакомства съ Плехановымъ, онъ питалъ инстинктивную ненависть къ нему, что впослѣдствіи неоднократно печатно засвидѣтельствовалъ съ развязностью, поистинѣ изумительной и никѣмъ не превзойденной.

Впрочемъ и Плехановъ сразу почувствовалъ къ Троцкому непреодолимую антипатію. Задолго до пріѣзда Троцкаго изъ ссылки заграницу, о немъ уже много говорили, какъ о человѣкѣ, у котораго замѣчательное перо. "Это перо мнѣ очень не нравится", говорилъ Плехановъ друзьямъ послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ Троцкаго*).

Какъ бы тамъ ни было, вся послѣдующая политическая дѣятельность Троцкаго съ очевидностью доказываетъ, что идеи брошюры "Наша тактика" совершенно чужды были всему складу его характера, и она являлась лишь плодомъ вынужденнаго положенія. И потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она носитъ характеръ вымученности, характеръ статьи, написанной на заказанную ч у ж у ю тему, что на ней нѣтъ отпечатка индивидуальности Троцкаго.

*) Въ этомъ съ нимъ впослѣдствіи сходился Ленинъ, назвавшій Троцкаго "революціонной балалайкой".

Глава шестая.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Октябрьскіе дни 1905 г. — Троцкій въ Петербургскомъ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ. — Парвусъ и "перманентная революція". — Арестъ. — Первая Государственная Дума.

Послѣ этого я на нѣкоторое время потерялъ Троцкаго изъ виду.

Настали октябрьскіе дни 1905 года. Всѣ выползли изъ подполья. Лидеры изъ зарубежныхъ странъ хлынули въ Россію, въ Петербургъ. Троцкій къ этому времени уже находился тамъ.

Для меньшевиковъ впервые открылась реальная возможность проводить въ жизнь свои идеи о самодѣятельности массъ въ широкомъ масштабѣ. И они, дѣйствительно, не дожидаясь законодательнаго оформленія, приняли самое дѣятельное участіе въ организаціи профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ и всякихъ другихъ объединеній.

Идея Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, сыгравшаго такую видную роль въ революціи 1905 года, нашла у нихъ свой первый самый живой откликъ. Большевики, съ Ленинымъ во главѣ, вѣрные своимъ принципамъ, рѣшительно возставали противъ всѣхъ этихъ затѣй, пока власть находится въ рукахъ стараго правительства. Увидѣвъ, однако, что рабочіе, не слушаясь ихъ окриковъ, охотно организуются въ профессіональные союзы, идутъ въ кооперативы и пр., и что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ становится главнымъ центромъ революціи, большевики съ Ленинымъ во главѣ, перемѣнили тактику, хлынули въ эти организаціи и всюду начали свою большевистскую дезорганизацію; а въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, вся сила котораго была въ его безпартійности, подняли скоро вопросъ о подчиненіи его соціальдемократической партіи, т. е. въ конечномъ счетѣ, большевикамъ; но въ этомъ они успѣха не имѣли.

Для Троцкаго открылась, наконецъ, возможность выдвинуться и широко развернуть свои таланты. Онъ меньше всего интересовался теоретическими спорами между

меньшевиками и большевиками, разъ открылась возможность широкаго дѣйствія и активнаго проявленія своей личности. И когда первый предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, Хрусталевъ-Носарь былъ арестованъ, Троцкій, подъ именемъ Яновскаго, фактически сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей Совѣта. Онъ достигъ самаго высшаго, чего онъ могъ желать. Взоры всей Россіи были устремлены на Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и его руководителей. Главный царскій министръ Витте велъ переговоры съ Троцкимъ, какъ съ равнымъ себѣ представителемъ новой сильной державы. Было отъ чего закружиться головѣ и у всякаго другого, а тѣмъ болѣе у Троцкаго, который, — теперь уже подъ сильнымъ вліяніемъ Парвуса, — извѣстнаго русскаго и германскаго соціальдемократа, впослѣдствіи ренегата и спекулянта, — бредилъ "перманентной революціей". Когда Николай издалъ свой знаменитый октябрьскій манифестъ, Троцкій, отвергнувъ участіе въ выборахъ въ Государственную Думу и, вмѣстѣ съ большевиками всецѣло принявъ точку зрѣнія бойкота, въ одной изъ своихъ рѣчей заявилъ, что "рабочій классъ на кроваво-красныхъ стѣнахъ Зимняго Дворца кончикомъ штыка напишетъ свой собственный манифестъ".

Организаціонно, впрочемъ, Троцкій по прежнему оставался съ меньшевиками; и парвусовскія идеи о "перманентной революціи" онъ развивалъ на страницахъ меньшевистскаго "Начала".

Въ декабрѣ 1905 года я пріѣхалъ въ Петербургъ и въ первый же день встрѣтился съ Троцкимъ въ редакціи "Начала".

Въ элегантно одѣтомъ, изящномъ господинѣ съ очень важнымъ видомъ я съ трудомъ узналъ Леву Бронштейна съ его небрежной косовороткой и прочими аттрибутами былого опрощенія.

Хотя онъ обнялся со мной и расцѣловался, въ его отношеніи ко мнѣ ясно давалъ себя чувствовать покровительственный холодокъ человѣка, стоящаго очень высоко на общественной лѣстницѣ и не имѣющаго возможности тратить время съ друзьями того отдаленнаго времени, когда онъ еще не былъ въ чинахъ. Онъ удѣлилъ мнѣ всего 2-3 минуты въ корридорѣ, пригласилъ на завтрашнее засѣданіе Совѣта и исчезъ въ редакціонномъ лабиринтѣ.

Присутствовать на засѣданіи Совѣта мнѣ, однако,

такъ и не удалось, и Троцкаго на свободѣ я больше не видѣлъ. На квартирѣ, гдѣ мнѣ была предоставлена ночевка, ночью, когда домъ былъ полонъ гостей, былъ произведенъ обыскъ (по доносу о храненіи нелегальной литературы), и я, какъ еврей, не имѣвшій права жительства въ Петербургѣ, былъ арестованъ. Я переночевалъ въ участкѣ, а на слѣдующее утро, меня посадили въ поѣздъ и выслали изъ Петербурга. Съ первымъ встрѣчнымъ поѣздомъ, я въ тотъ же день вернулся обратно въ Петербургъ.

На засѣданіе Совѣта, я однако, рѣшилъ нѣкоторое время не ходить, чтобы не попасть на глаза арестовавшему меня приставу.

Тѣмъ временемъ весь Совѣтъ, вмѣстѣ съ Троцкимъ, былъ арестованъ и преданъ суду.

Послѣ ареста Совѣта, политическая жизнь продолжала идти интенсивнымъ темпомъ, направившись лишь по другому руслу: началась Думская кампанія.

Между большевиками и меньшевиками опять загорѣлась борьба. Меньшевики отстаивали участіе въ выборахъ, большевики были рѣшительно за бойкотъ, боясь, что участіе въ выборахъ создастъ въ массахъ иллюзію, будто эта недемократическая и почти безправная Дума можетъ разрѣшить всѣ политическіе и соціальные вопросы, и отвлечетъ вниманіе этихъ массъ отъ необходимости борьбы за Учредительное Собраніе. Учредительное Собраніе въ ихъ глазахъ, такимъ образомъ, въ отличіе отъ Думы, пріобрѣтало характеръ какого-то талисмана или соціально-политической отмычки, обладающей чудесными свойствами, независимо отъ условій мѣста, времени и окружающей обстановки. Сторонниковъ участія въ выборахъ они обвиняли на этомъ основаніи въ распространеніи и поддержкѣ вредныхъ анти-демократическихъ "конституціонныхъ иллюзій". Это было у нихъ тогда такимъ же любимымъ выраженіемъ, какъ теперь "контръ-революціонеры". Государственная Дума была, наконецъ, избрана и созвана. Ея успѣхъ и популярность въ массахъ превзошли всѣ ожиданія. Даже большевики опѣшили, хотя не хотѣли въ этомъ сознаться. Вопреки всѣмъ ихъ гаданіямъ на кофейной гущѣ, Дума стала центромъ революціоннаго освободительнаго движенія въ Россіи, и правительство не могло ее долго терпѣть. Въ іюлѣ она была разогнана. Реакція рѣшительно подняла голову. Начались аресты и обыски. Былъ арестованъ и я.

Глава седьмая.

ВЪ ДОМѢ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Споры о бойкотѣ Думы. — Кадетизмъ и анархизмъ. — Колебанія Троцкаго. — Чужіе лавры.

Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, куда я попалъ, политическіе пользовались свободой настолько, что совершенно безпрепятственно могли переговариваться черезъ окна. Политическія событія рѣзко наростали. Каждый день приносилъ что-нибудь новое, и каждаго вновь прибывшаго (а арестованные прибывали непрерывно) товарищи осаждали допросами. Той же участи подвергся и я. Троцкій, который въ это время тоже находился въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, между прочимъ, спрашивалъ меня объ общихъ знакомыхъ. Мое замѣчаніе, по поводу одного изъ очень интересовавшихъ его лицъ, что онъ теперь "совсѣмъ меньшевикъ, почти кадетъ", вызвало злорадную реплику со стороны Троцкаго: "Это очень пикантно въ устахъ меньшевика!" Въ его глазахъ такимъ заявленіемъ я убійственно компрометировалъ и себя и меньшевиковъ. Между тѣмъ, у меня это не было неудачной обмолвкой; для меня, дѣйствительно, ясно было, что кадетизмъ, это — свойственная меньшевизму форма оппортюнизма, тогда какъ оппортюнизмъ, свойственный большевикамъ, — анархизмъ. Всякая революціонная тактика (большевизмъ тогда еще былъ теченіемъ революціоннымъ) имѣетъ свойственную ея сущности форму оппортюнизма. Я считалъ, что мнѣ чуждъ и тотъ и другой видъ оппортюнизма. Но если бы мнѣ пришлось выбирать изъ двухъ формъ оппортюнизма, анархистскаго и кадетскаго, я всегда предпочелъ бы кадетскій. Троцкій несомнѣнно питалъ предпочтеніе и склонность, — хотя ни въ какомъ случаѣ, т о г д а онъ не рѣшился бы признаться въ этомъ, — къ анархистскому оппортюнизму, которому онъ теперь отдался всецѣло. Отсюда сарказмъ.

Слѣдствіе по дѣлу Троцкаго скоро послѣ моего ареста было закончено; и онъ сталъ пользоваться сравнительно большей свободой, чѣмъ я и другіе, находившіеся подъ слѣдствіемъ. Онъ писалъ статьи и брошюры, и онѣ печатались. Пользуясь сравнительной свободой внутри тюрьмы, онъ часто подходилъ къ моей камерѣ, и мы подолгу бесѣдовали черезъ "волчекъ".

Благодаря ему, я имѣлъ возможность вести переписку съ женой. Онъ бралъ у меня письма и доставлялъ отвѣты, минуя тюремную администрацію. Онъ также доставлялъ мнѣ газеты и нелегальную литературу.

Какъ я уже указывалъ, во всѣхъ тактическихъ вопросахъ онъ всегда былъ съ большевиками, хотя организаціонно связывалъ себя съ меньшевиками. Связь эта, какъ я также указывалъ, на мой взглядъ, объясняется чисто случайными обстоятельствами въ моментъ возникновенія меньшевизма. Большевикъ по натурѣ, Троцкій сталъ меньшевикомъ по необходимости.

Во время одной изъ нашихъ бесѣдъ черезъ волчекъ, я задалъ ему прямой вопросъ: неужели онъ, считающій себя марксистомъ, не видитъ, что меньшевики именно являются настоящими марксистами, и что большевикамъ совершенно чуждъ марксистскій образъ мышленія. Онъ призналъ справедливость этого (иначе какой бы онъ былъ меньшевикъ?) и допустилъ, какъ самоочевидную вещь, что Ленинъ совсѣмъ не марксистъ. Однако, при этомъ онъ прибавилъ, что меньшевики совершенно неспособны къ живому, активному политическому дѣйствію, въ то время, какъ большевики всегда умѣютъ схватывать настоящую здоровую, правильную тактику. И въ его словахъ явно звучала горячая симпатія къ близкимъ ему по духу большевикамъ и съ трудомъ скрываемая антипатія къ совершенно чуждымъ ему меньшевикамъ.

"Какъ ты объяснишь, въ такомъ случаѣ, такое странное обстоятельство, что правильную марксистскую тактику могутъ проводить только очевидные не марксисты, а марксисты совершенно неспособны къ марксистской тактикѣ?"

На это я отвѣта не получилъ . Ему "помѣшали", и онъ больше къ этому вопросу не возвращался.

Однажды онъ принесъ мнѣ свою написанную въ тюрьмѣ и только что напечатанную брошюрку: "Наши задачи въ связи съ разгономъ Думы" (не ручаюсь за буквальную

точность заглавія, но таково было ея содержаніе). Онъ, надо полагать, этимъ своимъ произведеніемъ былъ очень доволенъ. И ему, повидимому, очень хотѣлось услышать похвалу изъ чужихъ устъ. По этой ли, или по другой причинѣ (судить не берусь), но онъ попросилъ меня подробно написать мое мнѣніе о ней. Я охотно согласился: при вынужденной тюремной бездѣятельности и у меня жажда хоть какой-нибудь дѣятельности далеко превосходила предоставляемыя для нея возможности.

Въ этой брошюркѣ Троцкій откровенно признается, что тактика бойкота въ первую Государственную Думу была ошибкой*): "Мы не учли момента, и надо не бояться открыто признаться въ этомъ".

Но когда онъ переходитъ къ "Нашимъ задачамъ", онъ прямо поражаетъ бѣдностью мысли и отсутствіемъ реальнаго содержанія. Никакой осязаемой тактики онъ, въ сущности, не предлагаетъ . Все изложеніе ограничивается громкими трескучими фразами, не дающими читателю никакого указанія: что же дѣлать?

Я уже въ другомъ мѣстѣ указывалъ, что Троцкій могъ въ свое время хорошо излагать теорію марксизма, но когда дѣло доходило до примѣненія его на практикѣ, онъ неизмѣнно пассовалъ.

Марксизмъ,—безстрастно анализирующій соціальный организмъ, выясняющій роль соціальныхъ группъ въ немъ, соціальныя силы, движущія этотъ организмъ въ томъ или иномъ направленіи, — совершенно чуждъ всему психическому складу Троцкаго, слишкомъ занятаго своей собственной личностью и е я именно ролью въ исторіи даннаго момента. У него не хватаетъ терпѣнія внимательно и вдумчиво вчитываться въ страницы книги жизни. Онъ быстро перелистываетъ ее, спѣша отыскать свое имя въ ней и занять свое мѣсто (непремѣнно первое и, по возможности, эффектное). Статья или брошюра: "Наши задачи", "Наша тактика" и т. п. должна только оправдать занятую позицію. Гдѣ ужъ тутъ до марксистскаго анализа? Онъ послѣ, бѣлыми нитками, пришивается спереди или сзади,

---

*) Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ Ленина, который упорно отстаивалъ правильность потерпѣвшей очевидный крахъ тактики бойкота выборовъ въ первую Думу даже тогда, когда признавалъ необходимость участія въ выборахъ во вторую Думу.

смотря по тому, какъ это диктуется архитектурными соображеніями, а то и совсѣмъ забывается.

Кадеты Родичевъ и Петрункевичъ, черезъ Думу, стали героями страны. Лавры, доставшіеся имъ, могли бы достаться "намъ", если-бы "мы" не сдѣлали ошибки, правильно учли бы моментъ и т. д. А потому "Наши задачи", "Наша тактика" и т. д., и т. д.

Кое-какіе общипанные лавры во второй Думѣ выпали и на "нашу" долю, но не въ лицѣ Троцкаго, котораго они опять миновали, а въ лицѣ большевика Г. Алексинскаго*).

Изъ всѣхъ профессій, въ которыхъ Троцкій до сихъ поръ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ изощрялся: памфлетиста, публициста, народнаго трибуна, дипломата, — эта профессія политика-аналитика меньше всего соотвѣтствуетъ его психической конструкціи. Тутъ онъ наиболѣе рѣзко обнаруживаетъ свою Ахиллесову пяту. Болѣе всего на своемъ мѣстѣ онъ, пожалуй, въ теперешней роли фельдмаршала. На этомъ поприщѣ всѣ его таланты могутъ развернуться во всю ширь.

Такъ или иначе брошюрка мнѣ совсѣмъ не понравилась. Я откровенно написалъ свое мнѣніе, въ видѣ критической замѣтки, не скрывая того, что я думалъ, но, понятно, въ очень корректной, дружески-товарищеской формѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, что эта моя невинная замѣтка, въ отвѣтъ на его просьбу, можетъ сколько-нибудь повліять на наши отношенія, въ особенности, если принять во вниманіе разницу общественно-политическаго удѣльнаго вѣса каждаго изъ насъ.

Я жестоко ошибся. Послѣ моей замѣтки онъ явно дулся на меня, сталъ избѣгать меня и, если и подходилъ къ моей камерѣ, то быстро просовывалъ сквозь щель подъ дверью газету или письмо отъ жены и немедленно исчезалъ. О моей замѣткѣ — ни слова, какъ будто я ее не писалъ, и онъ меня объ этомъ не просилъ; и бесѣды со мной черезъ "волчекъ" прекратилъ. Онъ демонстративно давалъ мнѣ чувствовать свое полное охлажденіе ко мнѣ.

Скоро его отправили въ Сибирь. Черезъ нѣкоторое время и меня отправили въ административную ссылку въ Вологодскую губернію, и я надолго потерялъ Троцкаго изъ виду.

---

*) Со времени войны Алексинскій рѣшительно порвалъ съ большевиками и сталъ въ ряды борцовъ противъ большевизма.

Глава восьмая.

ВЪ ЭМИГРАЦІИ.

Лондонскій съѣздъ Р. С. Д. Р. П. — Троцкій со "своимъ складнымъ стуломъ". — Вѣнская "Правда". — Отношеніе къ старымъ друзьямъ.

Въ 1907 году состоялся съѣздъ россійскихъ соціальдемократовъ въ Лондонѣ. Тамъ присутствовалъ цвѣтъ партіи. Со стороны меньшевиковъ были Плехановъ, Мартовъ, Церетели и многія другія свѣтила. Со стороны большевиковъ — Ленинъ, Роза Люксембургъ, Алексинскій, А. Богдановъ, Покровскій, Тышко и др. Лучшія мѣста съ обѣихъ сторонъ были заняты. Что было дѣлать Троцкому, который успѣлъ бѣжать изъ ссылки и попалъ на этотъ съѣздъ? Примкнуть къ чужому теченію онъ не могъ, и онъ основалъ собственное третье теченіе, "болото", какъ его называли. Въ качествѣ лидера этого третьяго теченія, онъ отнынѣ выступалъ на съѣздахъ и конференціяхъ, не смущаясь, если ему приходилось быть ея единственнымъ представителемъ. Мартовъ какъ-то позднѣе, уже во время войны, выразился о немъ, что онъ всюду приходитъ со своимъ собственнымъ складнымъ стуломъ.

Въ 1908 году я очутился въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Нью-Іоркѣ. До 1912 года свѣдѣнія мои о Троцкомъ были очень скудны. Партія въ это время переживала періодъ разлагающаго застоя. Въ ней даже развилось особое теченіе, имѣвшее сторонниковъ среди очень видныхъ представителей ея, требовавшихъ ликвидаціи партіи. Это былъ періодъ "ликвидаторства".

Троцкому, большевику по духу, меньшевику по организаціоннымъ связямъ, въ качествѣ "лидера" третьяго теченія, легко было, въ этой нездоровой обстановкѣ, занять положеніе примирителя и объединителя. Онъ издавалъ въ Вѣнѣ свою собственную газетку "Правда", гдѣ онъ проводилъ свои собственныя "третьи" идеи... Мнѣ при-

ходилось читать "Правду", но особую идею мнѣ выудить тамъ никакъ не удалось.

Въ 1912 году нью-іоркская организація русскихъ соціальдемократовъ стала выпускать свою газету "Новый Міръ". Въ качествѣ редактора былъ изъ Парижа приглашенъ Л. Г. Дейчъ.

Однажды Л. Г. Дейчъ вручилъ мнѣ письмо, полученное для меня на адресъ редакціи изъ Парижа. Она было отъ Троцкаго.

Не могу скрыть, что я ему очень обрадовался. Прежде, чѣмъ я успѣлъ вскрыть его, на меня повѣяло чѣмъ-то близкимъ, роднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ушедшимъ куда-то въ грустную даль.

Содержаніе письма меня, однако, въ значительной степени разочаровало. Оно было коротко и написано въ очень сдержанномъ тонѣ. Отъ письма у меня получилось такое впечатлѣніе, что Троцкій боялся, какъ бы не очутиться въ объятіяхъ совершенно чужого человѣка или еще больше, чтобы дружески протянутая рука не повисла въ воздухѣ безъ отвѣтнаго пожатія; вѣдь мы такъ давно не видѣлись, и онъ обо мнѣ давно ничего не слыхалъ. Въ одномъ мѣстѣ письма онъ прямо такъ и спрашиваетъ: не "американизировался" ли я (опять намекъ на пресловутую "измѣну"). Не сообщая о себѣ ровно ничего, онъ проситъ меня подробно сообщить о себѣ, оставляя, повидимому, за собою право поступить въ дальнѣйшемъ со мною въ зависимости отъ моего отвѣта.

Что побудило его написать это письмо: потребность ли возобновить старыя дружескія отношенія, или какое-либо другое соображеніе, мнѣ трудно было тогда рѣшить. Позже, когда онъ пріѣхалъ въ Америку, въ бесѣдѣ со мной, онъ сообщилъ мнѣ, что какъ-то написалъ (судя по всему, это было около того времени, когда онъ написалъ мнѣ) письмо Францу Швиговскому. Но, совершенно неожиданно и къ величайшему своему изумленію, получилъ отъ него такой грубый отпоръ, что о продолженіи переписки не могло быть и рѣчи.

Для меня, хорошо знавшаго благородство, чуткость и деликатность Франца, такое его поведеніе было совершенно непонятно, въ особенности по отношенію къ человѣку, съ которымъ онъ былъ такъ близокъ и друженъ. Когда же я про себя сопоставилъ исторію этого письма съ письмомъ Троцкаго ко мнѣ, мнѣ стало ясно, что Троцкій

чего-то не договариваетъ. Очень возможно, что въ письмѣ своемъ къ Францу (также, вѣроятно, предусмотрительно сдержанномъ и холодномъ) онъ еще рѣзче, чѣмъ въ письмѣ ко мнѣ, намекнулъ ему объ "измѣнѣ".

Встрѣтивъ Франца, уже по прiѣздѣ въ Россiю, въ 1918 г., я спросилъ его объ этомъ письмѣ. Точно содержанiя письма Троцкаго онъ не помнилъ. Онъ помнилъ только, что оно было написано въ такомъ оскорбительномъ духѣ, что другого отвѣта, кромѣ того, который онъ ему далъ, оно не заслуживало.

Я не сомнѣваюсь, что у Троцкаго не было намѣренiя въ письмѣ къ Францу оскорбить послѣдняго, какъ у него не было намѣренiя оскорбить меня. Я склоненъ думать, что письмомъ къ Францу, какъ и письмомъ ко мнѣ, онъ искренно хотѣлъ возобновить дружескiя отношенiя. Но не обладая ни чуткостью, ни деликатностью, ни благородствомъ Франца, онъ, въ эгоистическомъ стремленiи обезопасить себя отъ возможности непрiятнаго для его гипертрофированнаго самолюбiя отпора, слишкомъ перегнулъ палку въ противоположную сторону и добился, — какъ это часто въ такихъ случаяхъ бываетъ, — какъ разъ того, чего такъ старательно хотѣлъ избѣгнуть. Что касается меня, то я, съ одной стороны, очень хотѣлъ отвѣтить Троцкому и завязать съ нимъ переписку; съ другой стороны, какой то непрiятный осадокъ отъ письма меня каждый разъ удерживалъ. И я такъ ему и не отвѣтилъ. Возможно, что это было записано мнѣ въ пасивъ не менѣе, чѣмъ Францу его "грубый" отпоръ.

Я считалъ нужнымъ остановиться на этомъ незначительномъ по себѣ эпизодѣ потому, что онъ характеризуетъ Троцкаго, какъ друга. Какъ бы Троцкiй ни былъ привязанъ къ другу, онъ никогда не является для него самоцѣлью. Другъ существуетъ для него и цѣненъ только до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе даетъ возможность для проявленiя его (Троцкаго) индивидуальности. Онъ, дѣйствительно, любитъ его, привязанъ къ нему, и пр. Какъ самостоятельная индивидуальность, внѣ указанной служебной роли, другъ не имѣетъ для него значенiя. Поэтому, какъ только другъ пересталъ играть эту роль, дружба сразу отпадаетъ, какъ будто ея никогда не было, безъ всякой внутренней борьбы, безъ трагическихъ переживанiй.

Онъ говорилъ о разрывѣ съ Францомъ такъ легко,

какъ о совершенно чужомъ, съ которымъ онъ никогда не былъ близокъ; то же онъ проявилъ по отношенію ко мнѣ послѣ моей критики его брошюры въ Домѣ Предварительнаго Заключенія; то же было по отношенію къ Дейчу; къ женѣ, Александрѣ Соколовской, которую онъ оставилъ съ двумя дѣтьми, съ легкостью прямо изумительной, и т. д., и т. д.

Глава девятая.

ВОЙНА.

Троцкій въ Цюрихѣ и Парижѣ. — Парижскій "Голосъ" и "Наше Слово". — "Интернаціонализмъ" и пораженчество. — Полемика съ оборонцами. — Арестъ и высылка Троцкаго изъ предѣловъ Франціи.

Прошло два года. Въ 1914 году вспыхнула война, раздѣлившая почти всю Европу на два враждующихъ лагеря. Но и нейтральныя страны, естественно, никоимъ образомъ не могли оставаться равнодушными къ исходу войны и, болѣе или менѣе откровенно, становились на ту или другую сторону.

Населеніе нейтральныхъ Соединенныхъ Штатовъ въ громадномъ большинствѣ было рѣшительно на сторонѣ Англіи и ея союзниковъ.

На сторонѣ Центральныхъ Державъ были, главнымъ образомъ, патріотически настроенные выходцы изъ Германіи и Австро-Венгріи, въ томъ числѣ многочисленные въ Америкѣ галиційскіе евреи. Массы этихъ выходцевъ, не способные стать на болѣе широкую общую точку зрѣнія, естественно желали побѣды своей родинѣ.

Но были и такіе, которые сочувствовали Центральнымъ Державамъ только потому, что желали пораженія своей родинѣ. Къ нимъ принадлежали ирландцы, всегда имѣвшіе зубъ противъ Англіи; а также выходцы изъ Россіи, большинство которыхъ эмигрировало въ Америку въ поискахъ за убѣжищемъ отъ политическаго и національнаго гнета на родинѣ. Они были проникнуты ненавистью къ деспотическому русскому правительству, которое они, въ своемъ невѣжествѣ, смѣшивали съ Россіей. И потому они, естественно, желали Россіи пораженія и всяческихъ бѣдъ, и питали враждебныя чувства къ связавшимся съ нею Англіи и Франціи.

Газеты, заботясь, главнымъ образомъ, о тиражѣ, отражали настроеніе своихъ читателей. Громадное большинство ихъ было на сторонѣ Англіи, Франціи и пр. Тѣ же, главный контингентъ читателей которыхъ составляли нѣмцы, ирландцы или пораженчески настроенные русскіе выходцы, были за побѣду Германіи и ея союзниковъ.

Соціалистическія газеты, большинство читателей которыхъ были тѣ же нѣмцы и выходцы изъ Россіи, были настроены рѣзко германофильски. Таковъ былъ англійскій "Коллъ", нѣмецкій "Фолксцайтунгъ", русскій "Новый Міръ". Такою же была газета "Русское Слово", редактировавшаяся тогда Иваномъ Окунцовымъ.

Особенно въ этомъ отношеніи отличалась еврейская соціалистическая газета "Форвертсъ". Эта газета всегда имѣла всѣ типичныя черты желтой газеты. Ростъ тиража всегда былъ основной цѣлью и предметомъ гордости ея редактора Абрама Кагана, который даже хвастался этимъ въ своихъ передовицахъ.

"Форвертсъ" сначала занялъ было позицію сочувствія Англіи и ея союзникамъ. Но, увидѣвъ, что его конкурентъ ("Варгайтъ") потерпѣлъ крахъ вслѣдствіи такой политики, въ короткій срокъ потерявъ большинство своихъ галиційскихъ читателей, — онъ быстро повернулъ фронтъ. Вѣдь его читатели тоже наполовину состояли изъ галиційскихъ евреевъ, а другую половину составляли русскіе эмигранты, враждебно настроенные къ царскому правительству. Эта газета не только открыто заняла германофильскую позицію, но и въ шумно крикливыхъ сообщеніяхъ своихъ прибѣгала къ пріемамъ, свойственнымъ желтой шовинистической прессѣ самаго низкаго пошиба, съ рекламнымъ восхваленіемъ "геройскихъ" подвиговъ германскихъ войскъ, командировъ, отдѣльныхъ солдатъ и шпіоновъ, и всяческою хулою на такого же рода подвиги противной стороны.

Въ 1916 году Л. Г. Дейчъ, давно устраненный отъ редактированія "Новаго Міра", сталъ издавать ежемѣсячный журналъ "Свободное Слово", въ которомъ послѣдовательно развивалъ точку зрѣнія соціалистовъ, оставшихся вѣрными своимъ освободительнымъ тенденціямъ; онъ рѣшительно и со всею энергіей возставалъ противъ германофильства мѣстныхъ соціалистическихъ изданій, все равно, принадлежали ли они къ откровеннымъ пораженцамъ, въ

духѣ Ленина, или прикрывали свое германофильство благозвучной кличкой "интернаціоналистовъ".

Хотя редакція "Свободнаго Слова" въ первой программной статьѣ вполнѣ ясно и опредѣленно высказала свою точку зрѣнія, она тѣмъ не менѣе тамъ же объявила, что въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопроса, она открываетъ свои страницы также для товарищей изъ лагеря "интернаціоналистовъ"*).

Троцкому, Мартову и другимъ были съ этой цѣлью посланы формальныя приглашенія. Никто, однако, кромѣ В. Мандельберга, члена 2-ой Государственной Думы, не откликнулся. Мартовъ прислалъ отказъ. Троцкій не удостоилъ даже отвѣта.

Троцкаго война застала въ Австріи. Еще въ самомъ началѣ войны, онъ написалъ брошюрку на нѣмецкомъ языкѣ, изданную въ Цюрихѣ, подъ названіемъ "Война и Интернаціоналъ". Послѣ объявленія войны, онъ, какъ русскій подданный, былъ высланъ изъ предѣловъ Австріи, и поселился сначала въ Цюрихѣ, а потомъ въ Парижѣ.

Тамъ, въ то время, когда нѣмцы вели свое усиленное наступленіе и когда они грозили овладѣть Парижемъ, Троцкій въ самомъ Парижѣ, подъ охраной французскихъ штыковъ, въ своей газеткѣ "Голосъ" (скорѣе маленькая листовка, чѣмъ газета), не переставая, обливалъ грязью французское правительство и союзниковъ. Изливая на нихъ потоки фанатической злобы, онъ не оставлялъ безъ придирчивыхъ нападковъ самаго малѣйшаго дѣйствительнаго или мнимаго промаха этихъ правительствъ, въ то время, какъ самые возмутительные акты германскаго и австрійскаго правительствъ самымъ страннымъ образомъ совершенно замалчивались имъ.

Варварское потопленіе "Лузитаніи", при которомъ погибли тысячи женщинъ и дѣтей, вызвало, какъ извѣстно, бурю негодованія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Даже желтый шовинистически-германофильскій "Форвертсъ" не счелъ возможнымъ не помѣстить нѣсколько обширныхъ статей, выражающихъ возмущеніе этимъ актомъ.

---

*) Тогда еще не было полнаго разрыва съ ними. И группа "интернаціоналистовъ" еще рѣзко отдѣляла себя отъ пораженцевъ, возглавляемыхъ Ленинымъ, который заявилъ, что Троцкій, въ сущности, такой же предатель, какъ и Плехановъ.

Въ газеткѣ Троцкаго это событіе было обойдено самымъ полнымъ молчаніемъ.

На небольшомъ пространствѣ этой маленькой газетки Троцкій не уставалъ, бія себя въ грудь, трубить о своемъ "интернаціонализмѣ" и клеймить "пошлаго" Плеханова и другихъ "предателей" изъ того же лагеря, осмѣлившихся отстаивать еретическую идею о правѣ всякаго народа на самозащиту въ случаѣ нападенія на него. Въ то же время, онъ такъ явно на каждомъ шагу проявлялъ свою болѣе, чѣмъ нѣжную терпимость къ слишкомъ "интернаціоналистическимъ" наклонностямъ Вильгельма и его союзниковъ, что приходилось невольно только руками разводить.

И Дейчъ, однажды, подъ вліяніемъ только что прочитаннаго свѣжаго номера газетки Троцкаго, весь кипя негодованіемъ, воскликнулъ: "Если бы я лично не зналъ Троцкаго, я бы не сомнѣвался въ томъ, что онъ подкупленъ германскимъ правительствомъ".

Такъ какъ упомянутая выше брошюрка Троцкаго "Война и Интернаціоналъ" была единственнымъ имѣвшимся тогда въ нашемъ распоряженіи литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ болѣе или менѣе полно излагалась вся несложная премудрость "интернаціонализма", то Дейчъ счелъ полезнымъ дать своимъ читателямъ понятіе о ней, тѣмъ болѣе, что сами "интернаціоналисты" наотрѣзъ отказались познакомить читателей "Свободнаго Слова" со своей точкой зрѣнія, хотя въ шовинистическомъ, откровенно-германофильскомъ "Форвертсѣ" они охотно сотрудничали (и Троцкій, и Мартовъ, и вся братія). Написать соотвѣтственную статью Дейчъ поручилъ мнѣ, въ результатѣ чего въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала появилась моя библіографическая замѣтка объ этой брошюрѣ.

Троцкій, считавшій ниже своего "интернаціональнаго" достоинства сотрудничать въ такомъ журналѣ, какъ "Свободное Слово", тѣмъ не менѣе, счелъ, повидимому, своимъ публицистическимъ долгомъ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдить за нимъ.

Газетка Троцкаго, вообще не отличавшаяся разборчивостью въ выборѣ средствъ борьбы и болѣе, чѣмъ беззаботно относившаяся къ элементарнымъ требованіямъ чистоты литературныхъ пріемовъ, — совсѣмъ уже распоясывалась, когда дѣло касалось маленькаго, но тѣмъ болѣе

ненавистнаго далекаго американскаго журнала. Получалось впечатлѣніе, будто Троцкій лично мстилъ за что-то редакціи и ея главѣ Дейчу, съ которымъ онъ до самаго недавняго времени былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и которому очень многимъ былъ обязанъ.

Ничто въ этомъ журналѣ не ускользало отъ зоркаго ищущаго вниманія Троцкаго и его вѣрныхъ помощниковъ-сотрудниковъ.

Все подвергалось самому строгому "критическому" разбору: статьи, статейки, скромная библіографическая замѣтка Дейча о выходѣ перваго тома "Исторіи общественной мысли въ Россіи" Плеханова, даже объявленія. Ничего не пропускалось, и все подвергалось самому тщательному глумленію и оплевыванію.

Одного, казалось, въ "Нашемъ Словѣ" упорно не хотѣли замѣчать: моей библіографической замѣтки о брошюрѣ Троцкаго. Дейчъ уже подтрунивалъ надо мною по этому поводу.

Прошло три мѣсяца, и вдругъ неожиданно-длинная статья, озаглавленная "Война и Интернаціоналъ", или что-то въ этомъ родѣ (заглавія такихъ статей также однообразны и несложны, какъ и сама идея "Интернаціонализма"), подписанная Троцкимъ и цѣликомъ направленная противъ моей замѣтки; но на этотъ разъ не въ парижскомъ "Нашемъ Словѣ"*), а въ нью-іоркскомъ "Новомъ Мірѣ".

За этой длинной статьей послѣдовали другая, третья и четвертая, — все о той же небольшой библіографической замѣткѣ.

Всѣ четыре статьи представляли сплошной наборъ изысканныхъ ругательствъ по моему адресу, безъ малѣйшей попытки привести хотя бы самую короткую цитату изъ моей замѣтки для характеристики моихъ наивныхъ и глупыхъ поползновеній провинціальнаго диллетанта въ области литературныхъ упражненій, осмѣлившагося выступить противъ признаннаго корифея русской публицистики.

Въ своей парижской газеткѣ Троцкій попрежнему неутомимо продолжалъ заполнять двѣ маленькія странички, имѣвшіяся въ его распоряженіи, нападками на францу-

---

*) "Наше Слово" заняло мѣсто закрытаго французскимъ правительствомъ "Голоса".

зовъ и союзниковъ, и также упорно замалчивать дѣянія Германіи и ея союзниковъ. Оставалось только удивляться тому, какъ французское правительство терпѣло у себя такую занозу, хотя и маленькую, но отъ того не менѣе назойливую.

Наконецъ, чаша его терпѣнія переполнилась, и газетка была окончательно закрыта, а Троцкій былъ арестованъ.

Его выслали изъ предѣловъ Франціи, и онъ попалъ въ Испанію. Правительство Испаніи, — возможно подъ давленіемъ французскаго, — также не пожелало имѣть его у себя на свободѣ, и ему грозила ссылка чуть ли не въ Новую Каледонію. Благодаря вмѣшательству американскихъ соціалистовъ, ему были высланы деньги на дорогу, и онъ пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ.

Глава десятая.

ВЪ АМЕРИКѢ.

Митингъ-встрѣча въ Нью-Іоркѣ. — Рѣчи о "немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій на фронтахъ". — "Реакціонная империалистическая Антанта" и "прогрессивная" Германія. — Грядущая "міровая революція".

Какъ только стало извѣстно, что Троцкій пріѣзжаетъ въ Нью-Іоркъ, мѣстныя соціалистическія газеты начали кампанію подготовки и обработки публики для достойной встрѣчи гостя.

Обстоятельства были болѣе, чѣмъ благопріятны для того, чтобы провести эту кампанію въ чисто американскомъ масштабѣ и размѣрахъ: старый борецъ за свободу и демократію Россіи (Троцкій тогда еще былъ сторонникомъ свободы и демократіи), соціалистъ и революціонеръ, изгнанный изъ Австріи, недопущенный въ Германію, преслѣдуемый во Франціи и Испаніи, подвергшійся травлѣ во всей Европѣ за свою горячую и самоотверженную преданность идеѣ мира, — чего больше надо для анти-милитаристически настроенныхъ читателей соціалистическихъ газетъ, каждый день подогрѣвавшихъ энтузіазмъ своихъ читателей все новыми свѣдѣніями о прежней и теперешней дѣятельности Троцкаго.

Не только "Форвертсъ", "Новый Міръ" и "Коллъ" были полны статьями о немъ, но и кой-гдѣ въ буржуазной прессѣ появились благожелательныя замѣтки объ ожидаемомъ гостѣ: вѣдь онъ былъ не только анти-милитаристомъ, но и дѣятельнымъ участникомъ борьбы за русскую свободу, къ которой въ Америкѣ всегда относились съ большимъ сочувствіемъ.

Прежде, чѣмъ Троцкій успѣлъ ступить на американскую почву, опытные интервьюэры отъ мѣстныхъ газетъ поспѣшили учинить ему самый строгій допросъ о прежней и теперешней жизни, о политическихъ взглядахъ, идеяхъ,

планахъ, — обо всемъ, что ему хорошо извѣстно, мало извѣстно, совсѣмъ неизвѣстно и не можетъ быть извѣстнымъ.

На другой день въ соціалистическихъ газетахъ появились подробные отчеты объ этихъ интервью. "Форвертсъ" помѣстилъ самую большую статью, заполнивъ ею чуть не полстраницы обширнаго формата. На слѣдующій день появилось продолженіе и т. д., и т. д.

На одномъ изъ такихъ интервью Троцкій, осажденный полудюжиной интервьюэровъ, польщенный такимъ неожиданнымъ пріемомъ и помпой, замѣтилъ: "Никогда на самомъ строгомъ допросѣ жандармовъ я такъ не потѣлъ, какъ теперь, подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ спеціалистовъ своего дѣла".

Въ газетахъ помѣщались его портреты, старые и только что схваченные въ разныхъ позахъ и положеніяхъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ Троцкаго въ Нью-Іоркъ въ честь его былъ устроенъ, такъ называемый, Reception Meeting въ "Куперъ Юніонъ".

Понятно, митингъ этотъ всячески рекламировался предварительно и въ статьяхъ и въ объявленіяхъ съ чисто американскимъ размахомъ и шумомъ.

Я, конечно, рѣшилъ пойти на этотъ митингъ. Хотя я пришелъ съ значительнымъ опозданіемъ, снаружи, вопреки ожиданію, не было никакой толпы, залъ былъ почти пустъ, и я могъ занять мѣсто въ одномъ изъ переднихъ рядовъ.

Я помню такое собраніе въ этомъ самомъ залѣ въ 1912 году, когда такой же Reception Meeting былъ устроенъ въ честь Дейча. Задолго до часа, объявленнаго для начала митинга, залъ былъ переполненъ. Не только вся платформа на сценѣ, всѣ сидѣнія въ амфитеатрѣ и всѣ проходы были заняты, — было занято все пространство позади сидѣній, между сидѣніями и сценой, даже на подоконникахъ; гдѣ только можно было опереться ногой, стоялъ человѣкъ. Такъ широко популярно было имя Дейча, пріѣхавшаго для скромнаго дѣла редактированія маленькой русской газеты.

Теперь же самой искусной рекламы, съ игрой на самыя чувствительныя струны эмигрантской массы, очевидно, оказалось недостаточно для того, чтобы за ночь создать популярность человѣку, жившему до этого далеко за океаномъ и до сихъ поръ громадному большинству, запол-

няющему обыкновенно залы такихъ митинговъ, совершенно неизвѣстному.

Залъ наполнялся очень медленно, и собраніе пришлось открыть при наполовину пустомъ залѣ, послѣ того, какъ время, назначенное для начала, давно прошло.

Опять, въ полномъ согласіи съ установленнымъ обычаемъ, прежде, чѣмъ было дано слово Троцкому, выступило множество ораторовъ, на разныхъ языкахъ изощрявшихся въ дифирамбахъ высокому гостю, но особенно надрывался представитель редакціи нѣмецкой соціалистической газеты Лоре, который рвалъ и металъ (онъ былъ, конечно, "интернаціоналистомъ" и желалъ побѣды нѣмцамъ) и изъ кожи лѣзъ, чтобы возможно выше превознести "нашего дорогого учителя", совершенно забывая, что, по крайней мѣрѣ, три четверти собранія, незнавшаго нѣмецкаго языка, его совсѣмъ не понимало.

Какъ Троцкій, писавшій по-русски, могъ стать учителемъ нѣмца Лоре, русскаго языка совсѣмъ не знавшаго, и какіе ученые труды, хотя бы на русскомъ языкѣ, имѣлъ въ виду усердный дифирамбистъ, такъ и осталось его личной тайной. Неужели брошюрка "Война и Интернаціоналъ" такъ просвѣтила неприхотливаго ученаго редактора?

Когда публика была въ достаточной мѣрѣ утомлена этой нестройной многоязычной арміей ораторовъ, выступилъ самъ виновникъ торжества Троцкій, встрѣченный дружными апплодисментами.

Извѣстно, что въ Америкѣ популярность оратора измѣряется промежуткомъ времени, втеченіе котораго ему мѣшаютъ начать его рѣчь болѣе или менѣе неистовыми выраженіями любви, уваженія и преклоненія: апплодисментами, свистомъ, топаньемъ ногъ и т. п. очень несложными, но оттого не менѣе шумными пріемами.

Это называется "cheering".

Неизвѣстно, сколько времени продолжался бы "cheering" въ честь Троцкаго, если бы онъ, не успѣвъ еще пріобрѣсти вкуса къ американскимъ угощеньямъ, рѣзко не пресѣкъ его въ самомъ началѣ явными знаками нетерпѣнія, и не началъ свою рѣчь, не взирая на самый разгаръ апплодисментовъ, послѣ того какъ знаки нетерпѣнія не произвели должнаго эффекта.

Публика моментально присмирѣла.

Трудно высказывать сужденіе объ ораторскихъ до-

стоинствахъ противника. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что эта рѣчь Троцкаго произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, просто съ художественной стороны. Слушая его, я испытывалъ истинное эстетическое наслажденіе, цѣльное, несмотря на то, что я рѣшительно отвергалъ всю идею, на которой она была построена. Это былъ образецъ ораторскаго искусства.

Я слушалъ его много разъ послѣ этого. То были иногда рѣчи посредственныя, были хорошія, были и очень хорошія. Но такой, какъ эта, я больше не слыхалъ. Троцкій, несомнѣнно, къ ней тщательно подготовился, на что имѣлъ рѣдкую возможность; и подготовился такъ, какъ онъ къ другимъ рѣчамъ несомнѣнно не готовился и не могъ готовиться. Эта рѣчь была лишена грубо демагогическихъ пріемовъ воздѣйствія на слушателей, по крайней мѣрѣ, такихъ для культурнаго слуха явныхъ, которые мы съ правомъ можемъ назвать демагогическими: благодарная тема дѣлала ихъ совершенно излишними. Онъ подавлялъ слушателей массой фактовъ, рисующихъ реальные ужасы войны и непоправимыя разрушенія, матеріальныя и духовныя, которыя она приноситъ сейчасъ и которыми, въ еще большей степени, она неизбѣжно грозитъ намъ въ будущемъ.

Онъ приводилъ своихъ читателей въ трепетъ, съ ужасомъ сообщая имъ, что Парижъ съ 6-ти часовъ вечера погружается въ мракъ. И не изъ боязни германскихъ цепелиновъ, — въ горячемъ пафосѣ выкрикивалъ онъ, — а потому, что, въ своей экономической деградаціи, Франція *уже* дошла до того, что у нея не хватаетъ угля; и женщины съ мѣшками ходятъ по улицамъ, собирая осыпавшіеся кусочки угля для того, чтобы согрѣть своихъ озябшихъ дѣтей и сварить имъ немного теплой пищи...

А моральная деградація. Французское правительство, ради побѣды во что бы то ни стало (это было время апогея побѣдъ Германіи), въ полномъ согласіи со своими не менѣе варварскими союзниками, не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы для спасенія цивилизаціи, посылать противъ нѣмцевъ африканскихъ чернокожихъ дикарей, въ ранцахъ которыхъ (тутъ негодующій пафосъ Троцкаго достигъ высшаго напряженія) *находили отрѣзанныя уши нѣмецкихъ солдатъ.*

Дальше моральное одичаніе, вызываемое войной, идти не можетъ. Онъ подавлялъ аудиторію обиліемъ фактовъ,

одинъ ужаснѣе другого. И его горячее негодованіе и благородный пафосъ передавались слушателямъ; и, наэлектризованные его краснорѣчіемъ, они проникались искреннимъ возмущеніемъ противъ французскаго правительства и его союзниковъ, ведущихъ Европу къ такимъ ужасамъ экономическаго, соціальнаго и моральнаго разложенія.

Правда, всѣ эти ужасы, при всей ихъ дѣйствительной колоссальности, только невинная дѣтская игра въ сравненіи съ ужасами и деградаціей, вызванными безконечной гражданской войной, разразившейся впослѣдствіи въ Россіи. Правда, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ искренности Троцкаго, когда вспоминаешь, что вдохновителями и руководителями этой гражданской войны являются именно Троцкій и его друзья, успѣвшіе стать у власти, и всякими правдами и неправдами старающіеся распространить священный пожаръ этой гражданской войны на всю Европу, которая съ трудомъ уже обрѣла, наконецъ, столь горячо желанный Троцкимъ миръ, и стремящіеся даже перекинуть этотъ пожаръ на весь остальной цивилизованный и не цивилизованный міръ, еще къ ужасамъ этой тлетворной деградаціи не пріобщенный.

Но слушатели его тогда всего этого не могли знать, точно такъ же, какъ не могли они знать о будущей коммунистически-цивилизаторской роли китайцевъ, и многихъ, другихъ дѣлъ и вещей Троцкаго и его друзей, отъ которыхъ кровь стынетъ, и передъ которыми блѣднѣютъ самые вопіющіе ужасы войны, такими яркими красками изображенные Троцкимъ передъ его нью-іоркскими слушателями.

И потому художественная цѣльность ихъ впечатлѣнія ничуть нарушена не была, и тріумфъ Троцкаго былъ полный. Эта часть рѣчи, касающаяся ужасовъ войны, была рѣшительно доминирующей, какъ по объему, такъ и по содержанію, какъ это мы всегда видѣли и до него у всѣхъ абстрактныхъ сторонниковъ мира во что бы то ни стало, назывались ли они "интернаціоналистами", антимилитаристами или нейтралистами, безразлично.

Отличалась она отъ другихъ не новизною идеи, не глубиною мысли, а исключительно художественностью выполненія.

Разъ война такое ужасное зло, то ясно, что всякій соціалистъ долженъ рѣшительно и безоговорочно быть противъ нея. И тотъ, кто пріемлетъ войну, кто своимъ сознательнымъ участіемъ въ ней, въ той или иной формѣ,

въ той или иной, хотя самой малой и робкой мѣрѣ, такъ или иначе содѣйствуетъ продленію ея хотя бы на одинъ день, тотъ является измѣнникомъ, предателемъ дѣла рабочаго класса. И у соціалистовъ, оставшихся вѣрными своимъ идеямъ, съ этими отщепенцами ничего общаго быть не можетъ; съ ними не можетъ быть никакихъ отношеній, кромѣ отношеній самой безпощадной борьбы, какъ съ отъявленными врагами рабочаго класса. Объ этомъ онъ считалъ нужнымъ заявить съ самаго начала, такъ какъ не хочетъ, чтобы на этотъ счетъ у кого-нибудь остались какія бы то ни было сомнѣнія. Это отмежеваніе отъ соціалъ-патріотовъ и предателей (онъ такъ рѣшительно и прямо все время выражался), какое бы высокое положеніе въ соціалистическомъ мірѣ они до этого ни занимали, какъ бы они ни назывались: Плехановъ, Вандервельде, Тома, Гедъ и т. п.—есть первое дѣло для всякаго честнаго соціалиста.

Какъ я ни былъ увлеченъ художественной стороной рѣчи, этотъ странный логическій скачекъ отъ ужасовъ войны къ абстрактному, прекраснодушному, мѣщански-наивному антимилитаризму quand meme рѣзнулъ мое ухо.

Какъ бы тамъ ни было, но тутъ Троцкій не допускалъ никакихъ компромиссовъ и обрушился со всей силой своего краснорѣчія на французскаго соціалиста Тома и другихъ, навсегда опозорившихъ себя тѣмъ, что вошли въ буржуазныя правительства обороны, признали войну, приняли въ ней сознательное участіе и тѣмъ самымъ взяли на себя отвѣтственность за всѣ изображенныя имъ экономическіе, соціальные и моральные ужасы ея.

А когда онъ заговорилъ о томъ, какъ девять русскихъ волонтеровъ были разстрѣляны на фронтѣ за какое-то нарушеніе дисциплины, краснорѣчіе его достигло наибольшей силы, и негодованію его не было предѣловъ. И пусть правительство французское не пытается свалить всю тяжесть этого отвратительнаго преступленія на военныя фронтовыя власти; оно цѣликомъ отвѣтственно за него. И пусть Тома не утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ этого смертнаго приговора не подписалъ. Его матеріальной подписи можетъ быть, тамъ не было, но морально его имя выжжено тамъ позорными неизгладимыми буквами. И да будутъ прокляты тѣ соціалисты, которые и послѣ этого находятъ возможность протягивать руку такимъ соціалистамъ, какъ Тома, для какого бы то ни было совмѣстнаго дѣйствія. Тутъ онъ дошелъ до апогея; его бьещее, казалось, изъ самой

глубины души, бичующее негодованіе передалось всему собранію, напряженно слушавшему его съ затаеннымъ дыханіемъ.

Это было въ самомъ концѣ 1916 года, незадолго до того, какъ вспыхнула Русская Революція. А въ началѣ 1918 года, Троцкій уже въ качествѣ фельдмаршала, а не скромнаго эмигранта, докладывалъ въ Москвѣ о нарушеніяхъ дисциплины въ подвѣдомственной ему арміи. Отъ былого пафоса и пасифистскаго негодованія не осталось и слѣда. Онъ спокойно и дѣловито, какъ подобаетъ человѣку на такомъ высокомъ и отвѣтственномъ посту, информировалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и, успокоительно, сообщалъ о томъ, что все обстоитъ благополучно и 10 нарушителей дисциплины арестованы; онъ мимоходомъ лишь, въ скобкахъ, какъ о маленькомъ досадномъ упущеніи, замѣтилъ: "Къ сожалѣнію они еще не казнены".

Но публика на Reception Meeting объ этомъ тогда, конечно, не могла знать, какъ она не могла знать, съ какой изумительной легкостью тотъ же Троцкій скоро послѣ этого казнилъ и убивалъ не девять, и не десятки и сотни провинившихся передъ нимъ солдатъ, и не только солдатъ, но и женъ и дѣтей и другихъ родственниковъ ихъ, если эти солдаты ускользали отъ кары... И потому цѣльность художественнаго впечатлѣнія опять ничуть нарушена не была.

Я съ нетерпѣніемъ слушалъ Троцкаго, все еще надѣясь услышать отъ него разъясненіе, почему это изъ несомнѣнныхъ ужасовъ войны слѣдуетъ, что бельгійцы, французы, сербы и пр. должны побросать оружіе передъ лицомъ побѣдоносно наступающей рати Вильгельма; и какія блага отъ этого могутъ послѣдовать, какъ для побѣжденныхъ бельгійцевъ, французовъ, сербовъ, русскихъ, такъ и для народовъ, находящихся подъ властью правительствъ побѣдителей.

Отвѣтъ скоро не замедлилъ придти.

Онъ былъ до нельзя простъ. Изображенные имъ ужасы войны такъ подавляюще колоссальны, губительны и очевидны для всѣхъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рабочіе, больше всего на себѣ испытывавшіе эти ужасы, вернувшись съ фронта, ни одной минуты не смогутъ терпѣть тотъ политическій и общественный строй, который породилъ эти ужасы. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что, придя домой, они немедленно всюду устроятъ возстанія противъ своихъ правительствъ

и сметутъ ихъ съ лица земли вмѣстѣ со всѣми ужасными буржуазными отношеніями, выразителями которыхъ эти правительства являются, и установятъ соціалистическій строй.

Ужасы войны испытали рабочіе всѣхъ странъ, какъ побѣдительницъ, такъ и побѣжденныхъ. И потому вернувшіеся съ фронта рабочіе будутъ устраивать революцію всюду, все равно, побѣдило ли ихъ правительство или потерпѣло пораженіе.

У меня сразу открылись глаза, — мнѣ все стало ясно. Разъ, вернувшись съ фронта, всѣ рабочіе неизбѣжно устроятъ соціалистическую революцію, то не все ли, въ самомъ дѣлѣ, равно, какая страна останется побѣдительницей.

Важна не побѣда, а скорѣйшее повсемѣстное возвращеніе съ фронтовъ. Такъ просто!

Ну, а если не устроятъ? Тогда... "Тогда", заявилъ Троцкій, угрожающе потрясая кулакомъ въ воздухѣ, "тогда — я сдѣлаюсь мизантропомъ". Такимъ образомъ, какъ видите, прочная гарантія была вполнѣ обезпечена.

"Немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій" вотъ что важно. А всякія "безъ аннексій, контрибуцій" и прочія агитаціонныя привѣски, — это мелочи, необходимыя лишь, какъ приманка для того, чтобы вызвать необходимый уходъ съ фронта домой.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть значеніе всѣ эти вещи, разъ все общество, весь міръ, все равно будутъ перестраиваться на совершенно новый ладъ, и вся карта Европы и всего міра будетъ заново перекраиваться въ полномъ согласіи съ программой, подробно и детально начертанной Троцкимъ въ его брошюрѣ "Война и Интернаціоналъ".

Нечего говорить, что рѣчь эта имѣла колоссальный успѣхъ.

Троцкій быстро пріобрѣлъ популярность въ мѣстной русской колоніи. Онъ скоро окончательно порвалъ съ "соціалъ-патріотами", устроившими его пріѣздъ въ Америку и такъ радушно принявшими его.

Онъ сдѣлался редакторомъ "Новаго Міра" и быстро превратилъ эту газету во второе изданіе "Нашего Слова".

Время пріѣзда Троцкаго въ Нью-Іоркъ совпало съ сезономъ баловъ, устраивавшихся въ это время въ несмѣтномъ изобиліи всѣми организаціями. И Троцкій былъ

весьма заманчивой приманкой для тѣхъ изъ организацій, которымъ удавалось залучить его въ качествѣ оратора на такой балъ и, такимъ образомъ, значительно увеличить доходность предпріятія. Я видѣлъ и слушалъ его на многихъ балахъ.

Но столкнуться съ нимъ и говорить мнѣ не приходилось. Его рѣшительная и опредѣленная вступительная рѣчь отбивала всякую охоту къ этому. Да и вообще онъ держалъ себя очень недоступно. Онъ произносилъ рѣчь, вызывалъ должный энтузіазмъ, получалъ свою порцію тріумфа и сходилъ съ кафедры; но не спускался въ толпу, не сливался съ нею, какъ старшій любящій и любимый товарищъ, а исчезалъ какъ-то въ высь, въ закулисныя облака, окруженный атмосферой высокомѣрнаго холоднаго отчужденія, которое, какъ толстая броня, отпугивала отъ него даже самыхъ горячихъ поклонниковъ его, разъ они не принадлежали къ партійнымъ и организаціоннымъ верхамъ.

Это бросалось въ глаза не только мнѣ, но и тѣмъ, кому удалось подойти къ нему поближе, за эту броню. Сотрудникъ одной газеты, которому было поручено важное и отвѣтственное дѣло интервьюировать Троцкаго при его пріѣздѣ, такъ подѣлился со мною своими впечатлѣніями: "Въ 1912 году я интервьюировалъ Л. Г. Дейча, когда онъ пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ для редактированія "Новаго Міра". Какой контрастъ между нимъ и Троцкимъ! Въ то время, какъ Дейчъ весь сама простота, и съ нимъ съ первой же минуты чувствуешь себя, какъ съ равнымъ товарищемъ, несмотря на громадную разницу въ возрастѣ, въ присутствіи Троцкаго все время находишься, какъ бы передъ важнымъ сановникомъ, который ни на минуту не позволяетъ забыть о раздѣляющемъ васъ отъ него разстояніи".

Между тѣмъ Дейчъ, при пріѣздѣ своемъ въ 1912 году, былъ уже широко извѣстенъ, какъ старый русскій революціонеръ, побывавшій уже въ Америкѣ послѣ побѣга съ каторги, и какъ авторъ "16 лѣтъ въ Сибири", переведенныхъ чуть ли не на два десятка языковъ. И извѣстенъ онъ былъ не только среди соціалистической публики, но и среди всего остального населенія.

Троцкаго же до его изгнанія изъ Франціи несоціалистическая часть совсѣмъ не знала, а въ соціалистическомъ

мірѣ онъ хорошо былъ извѣстенъ только узкому кругу русскихъ эмигрантовъ.

Но чѣмъ болѣе высокомѣрно и отчужденно онъ держался, тѣмъ болѣе невольнаго благоговѣйнаго почтенія онъ вызывалъ къ себѣ. Тотъ самый сотрудникъ газеты, о которомъ я только что упомянулъ, однажды съ трудомъ скрываемой гордостью повѣдалъ мнѣ, что Троцкій обѣщалъ посѣтить его. Долженъ сознаться, что и мнѣ хотѣлось какъ-нибудь повидаться съ Троцкимъ, — слишкомъ ужъ много у насъ было общихъ старыхъ связей и воспоминаній, чтобы ихъ легко можно было игнорировать. "Когда у Васъ будетъ Троцкій, скажите, что я передалъ привѣтъ ему". Если бы у Троцкаго явилось желаніе повидаться со мною, ему легко было бы вызвать меня по телефону. Вызова, однако, не послѣдовало.

"Ну, что, былъ у Васъ Троцкій?" — спросилъ я на слѣдующій день. — "Да, я помню такого", — это все, чѣмъ реагировалъ Троцкій на полученный черезъ сотрудника газеты привѣтъ отъ меня.

Прошло недѣли три со дня пріѣзда Троцкаго. Однажды подхожу къ телефону: "Это ты, Гриша? Узнаешь меня? Я — Троцкій".

Оказалось, что онъ давно хотѣлъ видѣть меня, всячески разыскивалъ меня (при желаніи не было ничего легче, какъ найти меня). О моемъ присутствіи на балахъ, онъ узнавалъ, либо когда меня уже тамъ не было, либо послѣ того, какъ самъ уходилъ. Словомъ, онъ хочетъ со мною увидѣться и проситъ назначить удобное мѣсто и время.

Я пошелъ къ нему. Встрѣча наша была дружеская, хотя и не очень горячая. Неловкости никакой не чувствовалось, потому что мы оба, какъ бы по молчаливому уговору, избѣгали всякихъ разговоровъ на животрепещущія политическія темы (дѣло было еще до февральской революціи), у насъ былъ богатый матеріалъ для общенія и безъ нихъ. Отъ него я узналъ о судьбѣ многихъ друзей и товарищей, которыхъ я давно изъ виду потерялъ.

"Какъ Парвусъ?" (когда-то учитель и вдохновитель Троцкаго) — спросилъ я.

— Наживаетъ двѣнадцатый милліонъ, — кратко отвѣтилъ Троцкій.

Я былъ у него еще нѣсколько разъ. На политическія темы мы почти совсѣмъ не бесѣдовали. Однажды онъ какъ-

то сдѣлалъ замѣчаніе по поводу Плеханова, понятно, не совсѣмъ одобрительнаго свойства. "Значитъ, онъ контръреволюціонеръ, папа?" — спросилъ его одиннадцатилѣтній сынъ, стоявшій тутъ же и внимательно прислушивавшійся къ нашему разговору. Троцкій улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Онъ предложилъ мнѣ какъ-то сыграть въ шахматы, повидимому, считая себя хорошимъ шахматистомъ. Онъ обнаружилъ себя слабымъ игрокомъ, — проигралъ, чѣмъ былъ явно недоволенъ, и предложилъ немедленно сыграть другую партію. Выигравъ ее, онъ больше играть не пожелалъ.

Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ характерно не только то, что Троцкій не хотѣлъ играть, разъ опасность проиграть, т. е. обнаружить превосходство противника, была велика, — но, еще болѣе, что Троцкій, при своей натурѣ не могъ научиться хорошо играть. Чтобы научиться хорошо играть въ шахматы, надо много играть съ превосходящими игроками т. е. проигрывать. Троцкій никогда себѣ этого позволить не могъ.

Я уже указалъ выше, что первая рѣчь Троцкаго открыла мнѣ глаза на смыслъ вкладываемый имъ въ повторяемый всѣми "интернаціоналистами" лозунгъ "немедленный миръ". Мнѣ стало ясно, почему онъ такъ хочетъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, совершенно независимо отъ военной карты въ данный моментъ. Для меня только еще менѣе яснымъ стало послѣ этого, почему его симпатіи все-таки явно клонятся къ Германіи, и почему онъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ относится къ ея побѣдамъ.

Одна его лекція открыла мнѣ глаза и на эту сторону вопроса. Нарисовавъ въ этой лекціи картину того, какъ современное капиталистическое общество Европы и даже всего цивилизованнаго міра, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, идетъ все къ большему и большему объединенію, какъ это развитіе неизбѣжно ведетъ къ уничтоженію экономической независимости и самостоятельности отдѣльныхъ странъ, усиливая ихъ взаимную связь, онъ приходитъ къ правильному выводу, что все усиливающаяся прогрессивная связь и зависимость между цивилизованными странами, неизбѣжно влечетъ за собой и необходимость политическаго объединенія. И всякія попытки отстоять

политическую независимость и самостоятельность той или иной страны, — будь то Бельгія, Сербія, Австрія, Францiя или Россія — неизбѣжно будутъ политически, а, стало быть, и соціально, реакціонными. И потому всякія разглагольствованія объ оборонѣ являются въ высшей степени вредными и реакціонными. "Соціалъ-патріоты" же своими идеями о защитѣ даннаго отечества сбиваютъ только массы съ правильнаго пути, удерживая ихъ отъ того, чтобы они поскорѣе бросали оружіе.

Только одна изъ всѣхъ воюющихъ странъ, по размаху своего капиталистическаго развитія, ушла такъ далеко и обладаетъ такими колоссальными экономическими, духовными и культурными рессурсами, что она единственная, можетъ быть, смогла бы, въ случаѣ побѣды, насильственно сверху осуществить это объединеніе всего цивилизованнаго міра и, такимъ образомъ, сыграть весьма прогрессивную роль. Эта страна — Германія.

Троцкій выражался очень осторожно. Очевидно, онъ боялся болѣе опредѣленно высказываться, чтобы какъ-нибудь слишкомъ открыто не обнаружить вытекающее отсюда его германофильское пристрастіе. Я съ напряженіемъ вслушивался въ его рѣчь, чтобы уловить и не потерять основную нить его разсужденій. Сдѣлать прямые выводы изъ этой идеи и высказать ихъ съ полною опредѣленностью у него не могло быть сильнаго желанія по весьма понятнымъ причинамъ: онъ тогда находился въ апогеѣ своихъ надеждъ осуществить это объединеніе другимъ путемъ, путемъ революціи и возстаній въ отдѣльныхъ странахъ. Идею германскаго завоеванія онъ пряталъ, — можетъ быть, и отъ самаго себя, — на задахъ своей психики, какъ резервъ, какъ запасной планъ на тотъ случай, если первый путь потерпитъ крахъ.

Какъ опытный стратегъ, онъ не могъ, конечно, распространяться о перспективахъ маловѣроятнаго, по его мнѣнію, пораженія, чтобы не мѣшать возможной еще побѣдѣ. "Методъ буржуазіи въ рѣшеніи назрѣвшихъ вопросовъ между государствами, это война, методъ пролетаріата — это революція", авторитетно заявляетъ онъ въ своей брошюркѣ "Война и Интернаціоналъ". Какъ "революціонеръ", онъ предпочитаетъ второй методъ, и только, при провалѣ его, соглашается на первый методъ, методъ завоеванія міра деспотической Германіей.

Послѣ заключенія въ Брестѣ мира съ деспотической

Германіей, очень беззастѣнчиво давшей почувствовать свою тяжелую лапу, большевики, нѣкоторое время чувствовали себя немного ошеломленными. Не только внѣшнее, но и внутреннее положеніе было таково, что отнюдь не располагало большевиковъ къ радужнымъ мыслямъ на счетъ ближайшаго будущаго. Настроеніе у новыхъ господъ Россіи было довольно мрачное. И вотъ, когда стали приходить свѣдѣнія о томъ, что Японія, съ согласія своихъ союзниковъ, готовится къ нашествію на Совѣтскую Россію, Троцкій въ печати заявилъ: "Если намъ будетъ грозить нашествіе имперіалистовъ Антанты, мы заключимъ наступательно-оборонительный союзъ съ Германіей (правительство Вильгельма тогда, только что сокрушивъ Россію, еще вело побѣдительную войну съ державами Согласія), какъ съ болѣе прогрессивной имперіалистической страной противъ болѣе реакціонной Антанты.

Тщательно скрываемая отъ себя и другихъ резервная идея германскаго завоеванія изъ психическихъ задворковъ, начала, такимъ образомъ, выступать на передній планъ и принимать реальный обликъ.

Возвращаясь, иногда, вмѣстѣ со мной съ лекціи, Троцкій удостаивалъ меня своимъ вниманіемъ и, покровительственно похлопывая меня по плечу, обращался къ сопровождавшей его небольшой свитѣ: "Это мой старый другъ, которому надо только мѣсяца два побыть во Франціи, чтобы стать хорошимъ соціалистомъ".

Однажды, воспользовавшись тѣмъ, что мы были одни, я сталъ интервьюировать его относительно нѣкоторыхъ его нью-іоркскихъ сотрудниковъ-"интернаціоналистовъ" Былъ среди нихъ нѣкій Семковъ, человѣкъ малограмотный, но отъ природы надѣленный громкимъ голосомъ и чрезвычайно "революціонной" манерой рѣчи. Онъ обладалъ какою-то исключительной способностью безъ передышки сыпать втеченіе любого періода времени фразами отборнаго "революціоннаго" качества, хотя безъ всякой внутренней связи и какого бы то ни было отношенія другъ къ другу. Какъ для человѣка совершенно невѣжественнаго, для него совсѣмъ не было трудныхъ темъ или вопросовъ, и все ему было понятно и ясно. Его никогда нельзя было застать врасплохъ. Онъ всегда и во всякій моментъ былъ готовъ "возражать" по всякому вопросу, по всякому поводу и во всякомъ мѣстѣ. Его изступленныя

выступленія производили такое впечатлѣніе, какъ-будто, отправляясь изъ дому на собраніе, онъ, вмѣстѣ съ папиросами и спичками, наспѣхъ и впопыхахъ набивалъ карманы также первыми попавшимися фразами изъ катехизиса Ленина и Троцкаго. А придя на собраніе, не выслушавъ даже толкомъ противнаго оратора, поспѣшно выворачивалъ карманы и высыпалъ весь этотъ хламъ: фразы, изломанныя, исковерканныя, искрошенныя, безъ началъ, безъ концовъ, серединъ, но за то неизмѣнно падавшія съ тѣмъ болѣе оглушительнымъ "революціоннымъ" звономъ, и неизмѣнно доставлявшія ихъ автору колоссальный успѣхъ въ "революціонно" настроенной толпѣ. Его очень цѣнили въ "интернаціоналистическихъ" сферахъ, и онъ считался незамѣнимымъ цѣннымъ работникомъ. Вотъ объ этой то звѣздѣ я, не безъ ехидства, спросилъ Троцкаго.

"Что бы тамъ ни было", — отчеканивая своимъ излюбленнымъ манеромъ слова, отвѣтилъ Троцкій, ни на минуту не задумавшись, — "когда надо будетъ, Семковъ будетъ тамъ, гдѣ надо, а вотъ N. N. (постоянный оппонентъ Троцкаго на всѣхъ собраніяхъ) будетъ тамъ, гдѣ не надо"*).

*) Впослѣдствіи, слѣдя по русскимъ газетамъ за дѣятельностью прежнихъ нью-іоркскихъ сподвижниковъ Троцкаго, я, дѣйствительно имѣлъ возможность убѣдиться, что Семковъ всегда былъ "тамъ, гдѣ надо", занимая "тамъ" видное положеніе.

Глава одиннадцатая.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

Мартовскіе дни 1917 г. — Отъѣздъ Троцкаго изъ Америки. — Задержаніе его англійской властью въ Ванкуверѣ.

Въ мартѣ 1917 года пришли первыя вѣсти о русской революціи.

Вся Америка, во всѣхъ слояхъ и классахъ, встрѣтила эти извѣстія съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ, граничащимъ съ энтузіазмомъ. Американцы устраивали торжественные митинги, на которыхъ произносились восторженныя рѣчи, высказывались лучшія пожеланія и посылались привѣты русскимъ революціонерамъ.

Понятно, что русская колонія первая поспѣшила устроить нѣсколько митинговъ. И Троцкій на всѣхъ, естественно, былъ гвоздемъ собранія. Митингъ, иногда, оттягивался на нѣсколько часовъ, потому что Троцкій, участвовавшій одновременно на нѣсколькихъ митингахъ, физически не могъ поспѣть всюду. Но публика терпѣливо ждала его, жаждя услышать слово, бросающее свѣтъ на то грандіозное, что происходило въ Россіи.

Увы! Всякаго, кто не привыкъ довольствоваться одними ораторскими эффектами, кто въ рѣчи по такому поводу ищетъ просвѣщающаго указанія на смыслъ происходящаго, — первая рѣчь Троцкаго по поводу Русской Революціи не могла не расхолодить.

Ни малѣйшей попытки сдѣлать объективный анализъ причинъ, вызвавшихъ революцію; силъ, на которыя она можетъ опираться, и возможнаго хода ея. Вмѣсто этого — детальный рецептъ техническаго проведенія революціи, посылаемый изъ "Бетховенъ Голлъ" въ Нью-Іоркѣ черезъ океанъ въ Россію, въ ожиданіи, пока Троцкій самъ пріѣдетъ и наладитъ все наилучшимъ образомъ. Этому рецепту предпосылаются болѣе или менѣе эффектныя выходки противъ лицъ, составляющихъ первое Временное Правительство.

Милюковъ, это тотъ самый, который красное знамя назвалъ тряпкой. И это все. Счастливъ былъ бы тотъ біографъ Милюкова, которому совѣсть позволила бы не вписывать въ его политическій пассивъ ничего другого, кромѣ этого оскорбленія краснаго знамени.

Гучковъ, это тотъ самый, который благословилъ Столыпина на свирѣпые военно-полевые суды (увы, представляющіеся теперь россіянамъ, живущимъ подъ благословенной сѣнью чрезвычаекъ, идеаломъ человѣческаго правосудія).

Керенскій, это только плѣнникъ въ станѣ торжествующей буржуазіи, которой онъ нуженъ лишь въ качествѣ заложника противъ пролетаріата, если онъ слишкомъ будетъ зарываться. Не успѣвъ вступить во Временное Правительство, этотъ самый Керенскій запятналъ себя тѣмъ, что въ качествѣ Министра Юстиціи, арестовалъ царскаго министра Сухомлинова и тѣмъ спасъ его отъ революціоннаго народа, желавшаго расправиться съ нимъ по заслугамъ, и т. д., и т. п., все въ томъ же духѣ.

Какъ я былъ очарованъ подготовленностью, изяществомъ и красотой первой рѣчи Троцкаго въ Америкѣ, такъ я былъ разочарованъ этимъ лубочно-безсодержательнымъ выступленіемъ по поводу Русской Революціи.

Закончилъ онъ эту свою рѣчь такъ: "Я горжусь, что принадлежу къ тому классу, который бросилъ зажженный факелъ въ пороховые погреба всѣхъ имперіалистическихъ державъ". Какой именно классъ разумѣлъ при этомъ Троцкій — журналистъ, писатель и сынъ богатаго землевладѣльца, онъ слушателямъ такъ и не сообщилъ.

Всѣ послѣдующія многочисленныя рѣчи его были въ томъ же духѣ. Однѣ болѣе, другія менѣе талантливы, но всѣ одинаково политически безсодержательны: не до просвѣщенія русскихъ выходцевъ въ Америкѣ, видно, было ему, — онъ спѣшилъ въ Россію творить исторію. Тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ этихъ русскихъ выходцевъ, шествовавшихъ до сихъ поръ рука объ руку съ нимъ по пути непримиримаго "интернаціонализма", съ паденіемъ царскаго самодержавія, начали быстро отпадать отъ него, такъ какъ весь ихъ "интернаціонализмъ" и зиждился вѣдь на ненависти къ этому царскому самодержавію.

"Что съ этимъ Троцкимъ? Чего онъ хочетъ?" — говорили они, въ недоумѣніи пожимая плечами.

Наконецъ, съ первой партіей эмигрантовъ **Троцкій**

отправился въ Ванкуверъ, въ Канадѣ, чтобы оттуда, черезъ Тихій океанъ и Японію направиться въ Россію. Можно себѣ представить, какимъ нескончаемымъ должно было казаться ему это путешествіе. Пока пароходъ долгія недѣли будетъ влечь его по необъятному океану, тамъ вдали, въ Россіи революція будетъ идти своимъ путемъ, безъ его руководства, угрожая забрести, чортъ знаетъ куда.

И, о, ужасъ! Въ Ванкуверѣ англійское правительство, совершенно, очевидно, не считаясь съ великими планами революціи, арестовало его, какъ германскаго агента. Пароходъ съ другими мелкими сошками, уплылъ дальше, а Троцкій остался. Никакія старанія американскихъ друзей не помогали, пока не вмѣшался (злая иронія судьбы) Милюковъ. И Троцкій послѣ долгаго томительнаго сидѣнія втеченіе нѣсколькихъ недѣль въ Ванкуверѣ, получилъ, наконецъ, возможность двинуться въ дальнѣйшій путь, теперь уже безъ всякихъ задержекъ.

Не трудно понять, сколько злобы противъ англійскаго правительства прибавилъ въ немъ этотъ эпизодъ.

И кто, — зная эгоцентрическій характеръ Троцкаго, — можетъ съ увѣренностью сказать, что это обстоятельство не сыграло своей роли въ еще большемъ укрѣпленіи германофильской склонности его.

Глава двѣнадцатая.

ТРОЦКІЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

Іюльское возстаніе и открытый переходъ къ большевикамъ. — Троцкій — предсѣдатель петроградскаго Совѣта. — Подготовка къ возстанію. — Переворотъ. — Троцкій-дипломатъ. — Троцкій военный министръ. — Дѣло Щастнаго. — Троцкій фельдмаршалъ и "революціонный" имперіалистъ.

Въ концѣ мая 1917 г. и я выѣхалъ въ Россію. Какъ только я прибылъ въ Владивостокъ, первое, что меня поразило, это все усиливающееся торжество максимализма. Онъ все болѣе и болѣе опутывалъ революцію по рукамъ и ногамъ и парализовалъ ея активность.

Легкость, съ которой удалось свергнуть царя, вскружила головы не только массамъ, но и нѣкоторымъ лидерамъ, и они думали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вмѣсто того, чтобы активной поддержкой укрѣпить новую власть, они не уставали предъявлять къ этой власти, получившей отъ свергнутаго царскаго правительства пустые сундуки, невыполнимыя требованія. Они считали, что могутъ диктовать не только своему правительству, но и правительствамъ Антанты и Германіи съ ея союзниками.

Большевики не преминули воспользоваться этими настроеніями и, не теряя времени, принялись за свою разрушительную работу. Когда я подъѣжалъ къ Петрограду (въ Вяткѣ, кажется), я прочелъ въ газетахъ объ іюльскомъ возстаніи большевиковъ. Когда я пріѣхалъ въ Петроградъ, оно было уже подавлено, но всюду царствовало уныніе; всѣ чувствовали, что революціи нанесенъ тяжелый ударъ, отъ котораго она, можетъ быть, не оправится. Большевики струсили и явно опѣшили. Ленинъ скрылся, а оставшіяся мелкія сошки всѣ переименовали себя въ "интернаціоналистовъ" и на перебой увѣряли, что это возстаніе было стихійнымъ актомъ несознательныхъ массъ, не только не руководимыхъ большевиками,

но и не встрѣчавшимъ ихъ сочувствія и осуждаемымъ ими*).

Троцкій въ это время еще не примкнулъ къ большевикамъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Россію, Ленинъ, Мартовъ и другіе лидеры "интернаціоналистическихъ" фракцій давно были тамъ, и всѣ мѣста были заняты. Онъ таскался со своимъ "складнымъ стуломъ" и никакъ не могъ найти мѣста, гдѣ можно было бы его прочно поставить и эффектно усѣсться. Онъ пробовалъ было даже издавать свою газету "третьяго" направленія, но изъ этого ничего не вышло.

Онъ, какъ и большевики, открещивался отъ іюльскаго возстанія. Однако онъ былъ скомпрометированъ настолько, что правительство нашло необходимымъ арестовать его. Онъ посылалъ изъ тюрьмы въ газеты негодующія письма противъ "соціалистическаго" правительства, позорно и неоправимо запятнавшаго себя, арестовавъ такого соціалиста, какъ Троцкій. Изъ тюрьмы же онъ впервые прислалъ въ газеты заявленіе, что еще до ареста присоединился къ большевикамъ, и, если до сихъ поръ не сотрудничалъ въ ихъ органѣ, то это было исключительно по мотивамъ "личнаго характера".

Скоро Троцкій былъ освобожденъ. Такъ какъ Ленинъ и Зиновьевъ бѣжали, то онъ занялъ вакантное мѣсто и сталъ лидеромъ большевиковъ. Это было въ августѣ. Съ этого момента начинается его возвышеніе.

Въ сентябрѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, на мѣсто Чхеидзе, причемъ всю кампанію въ пользу его избранія велъ Павелъ Деконскій, лѣвый с.-р., незадолго до октябрьскаго большевистскаго переворота изобличенный въ провокаціи и въ томъ, что онъ служилъ въ царской охранкѣ.

Первымъ дѣломъ новаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Троцкаго было организовать "военно-революціонный комитетъ", послѣ чего большевики начали открыто готовиться къ возстанію.

При такихъ условіяхъ, въ открывшемся 7-го октября Совѣтѣ Россійской Республики (предъ-парламентѣ), въ которомъ большевики оказались въ меньшинствѣ, имъ, естественно, нечего было дѣлать.

На первомъ собраніи Предъпарламента Троцкій, въ

*) Послѣ успѣшнаго октябрьскаго переворота большевики признали, что іюльское возстаніе было дѣломъ ихъ рукъ.

качествѣ лидера фракціи большевиковъ, выступилъ съ декларацiей, въ которой мотивировалъ ея уходъ. Онъ клеймилъ Временное Правительство, называя его правительствомъ "народной измѣны". Онъ бросалъ ему обвиненіе въ томъ, что оно

> "открыто держитъ курсъ на костлявую руку голода, которая должна задушить революцію и, въ первую очередь, Учредительное Себраніе... Революція въ опасности. Въ то время, какъ войска Вильгельма угрожаютъ Петрограду, правительство Керенскаго и Коновалова готовится бѣжать изъ Петрограда, чтобы превратить Москву въ оплотъ контръ-революціи... Только самъ народъ можетъ спасти себя и страну. Мы обращаемся къ народу: Да здравствуетъ немедленный честный демократическій миръ! Вся власть Совѣтамъ, вся земля народу! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!" (Стенографическій отчетъ засѣданія предпарламента. "Рѣчь", 8-го октября 1917 г.).

Въ это время я былъ на югѣ. Въ концѣ октября, по личнымъ дѣламъ, я опять пріѣхалъ въ Петроградъ. Не доѣзжая до Бологого (около сутокъ ѣзды отъ Петрограда), я прочелъ въ газетахъ о совершенномъ большевиками переворотѣ. Въ поѣздѣ произошла паника. Почти всѣ пассажиры въ страхѣ высадились въ Бологомъ, и я былъ однимъ изъ немногихъ, рѣшившихся доѣхать до Петрограда. Всюду на углахъ были расклеены огромные плакаты съ лозунгами, возвѣщавшими цѣли переворота: немедленный демократическій миръ. Безотложный созывъ Учредительнаго Собранія. Отмѣна смертной казни*) и т. д.

Троцкій быстро сталъ входить во вкусъ безотвѣтственнаго властителя. Уже 29-го октября на засѣданіи петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ онъ показалъ, какъ онъ понимаетъ отмѣну смертной казни, объявивъ врагамъ большевизма "безпощадную месть" и "безпощадный разстрѣлъ". Слово "безпощадный" отнынѣ стало однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ въ его лексиконѣ.

Въ новомъ правительствѣ на долю Троцкаго, какъ комиссара по иностраннымъ дѣламъ, выпало осуществленіе "немедленнаго честнаго демократическаго мира", который, — согласно тому, что большевики не уставали до

*) Правительствомъ Керенскаго незадолго передъ тѣмъ была введена смертная казнь за измѣну на фронтѣ.

переворота долбить, — полагалось заключить непосредственно съ народами воюющихъ странъ, "черезъ головы ихъ имперіалистическихъ правительствъ", потому что мирные переговоры съ этими правительствами, если вѣрить Ленину, уже являются совершенно недопустимымъ "соглашательствомъ".

Однако, какъ только, очутившись у власти, большевики стали лицомъ къ лицу съ необходимостью дѣлать реальную политику, они на первыхъ же шагахъ, вынуждены были съ облаковъ безотвѣтственной митинговой декламаціи спуститься въ болото преступнаго "соглашательства".

Уже въ первый день упоенія достигнутой властью Ленинъ окатилъ своихъ приверженцевъ ушатомъ холодной воды, заявивъ, что нечего ожидать скораго заключенія демократическаго мира, чѣмъ вызвалъ ропотъ среди солдатъ, для которыхъ такой поворотъ былъ совершенной неожиданностью.

Въ изданномъ въ первый же день переворота "декретѣ о мирѣ" новое правительство обращается не прямо къ народамъ воюющихъ странъ, а "къ правительствамъ и народамъ".

Въ то же время по арміи Ленинымъ разсылается воззваніе, увѣщевающее солдатъ не дать "контръ-революціоннымъ генераламъ сорвать великое дѣло мира" и предлагается имъ самостоятельно выбирать "тотчасъ-же уполномоченныхъ для формальнаго вступленія въ переговоры съ непріятелемъ. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ даетъ вамъ право на это".

Однако, то ли правительства воюющихъ державъ не передали своимъ народамъ большевистскаго "декрета о мирѣ", по другой ли причинѣ, но народы эти убійственно безмолвствовали.

Что же касается правительствъ, то Антанта совершенно недвусмысленно дала понять, что на сепаратный миръ Россіи съ Германіей она смотритъ, какъ на измѣну союзникамъ, и всякія попытки большевиковъ въ этомъ направленіи встрѣтятъ съ ея стороны должное возмездіе.

Германское же правительство молчало и совсѣмъ, повидимому, не торопилось откликнуться. Оно выжидало того неизбѣжнаго момента, когда, въ результатѣ вышеуказаннаго воззванія Ленина, русская армія станетъ совершенно небоеспособной.

Когда же ясно стало, что Россію уже можно брать го-

лыми руками, германское правительство изъявило согласіе на переговоры о перемиріи.

Троцкій, смущенный было неожиданнымъ для него результатомъ, или, скорѣе, безрезультатностью его дипломатическаго искусства, воспрянулъ:

"Если германскій императоръ вынужденъ принимать представителей прапорщика Крыленко и вступить съ ними въ переговоры, то это значитъ, что крѣпко русская революція наступила своимъ сапогомъ на грудь всѣхъ имущихъ классовъ Европы".

Забывъ о томъ, что миръ предполагалось заключить "черезъ головы буржуазныхъ правительствъ", Троцкій захлебывается отъ счастья, что "германскій кайзеръ съ нами заговорилъ, какъ равный съ равными" ("Правда", 21-го ноября 1917 г.).

Все шло, какъ по маслу:

"Германія и Австрія согласны на веденіе переговоровъ о перемиріи на основѣ совѣтской формулы".

Восхищеннымъ взорамъ Троцкаго уже рисовались упоительныя картины, какъ "сидя съ ними (съ правительствами Германіи и Австріи) за однимъ столомъ, мы будемъ ставить имъ категорическіе вопросы, не допуская никакихъ увертокъ... Подъ вліяніемъ низовъ германское и австрійское правительства уже согласились сѣсть на скамью подсудимыхъ! будьте увѣрены, товарищи, что прокуроръ, въ лицѣ русской революціонной делегаціи, окажется на своемъ мѣстѣ" ("Правда", 19 ноября 1917 г.).

Какъ только большевистскіе делегаты, снявъ съ глазъ наложенныя на нихъ нѣмцами повязки, подошли къ тому столу, за которымъ сидѣли опытные германскіе дипломаты, генералъ Гофманъ грознымъ солдатскимъ окрикомъ сразу вывелъ ихъ изъ состоянія сладостнаго гипноза, навѣяннаго на нихъ красивыми рѣчами Троцкаго, и далъ имъ совершенно недвусмысленно понять, что они не равные, а побѣжденные, и должны безпрекословно и безъ митинговыхъ разглагольствованій принять предписываемыя имъ условія мира.

А условія эти были такъ тяжки и такъ безмѣрно унизительны, что даже большевистская делегація не рѣшалась подписать ихъ. Но что было теперь дѣлать? Думать о сопротивленіи было уже поздно: приказами и воззваніями о повзводномъ и поротномъ перемиріи армія была окончательно разложена.

Троцкій, однако, не унывалъ и предложилъ, по его

словамъ, "небывалый еще въ міровой исторіи исходъ: "Мы выходимъ изъ войны, но вынуждены отказаться отъ подписанія мирнаго договора". Большевистское правительство "не желаетъ воевать съ народомъ Германіи... и вкладываетъ свое оружіе въ ножны"... "Россійскимъ войскамъ отдается приказъ о полной демобилизаціи по всѣмъ линіямъ фронта"... "Защита его ввѣряется германскимъ рабочимъ".

Небывалый въ міровой исторіи жестъ былъ сдѣланъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ гибель милліоновъ людей, цѣлой страны, разъ жестъ красивъ?

Но прозаически безпощадные нѣмцы не дали ему даже эффектно закончить этотъ жестъ: перемиріе кончилось, — заявили они, — и, разъ миръ не заключенъ, нѣмецкія войска продолжаютъ наступленіе. Нѣмцы берутъ городъ за городомъ, не встрѣчая никакого сопротивленія. Большевистскіе комиссары, поручивъ защиту русскаго "соціалистическаго отечества" нѣмецкимъ рабочимъ (одѣтымъ въ солдатскіе мундиры), первые показываютъ пятки.

Пришлось, не закончивъ жеста, вернуться. Троцкій, не читая (опять эффектный жестъ!), подписываетъ условія мира, еще гораздо болѣе тяжкія и унизительныя, чѣмъ первыя.

Дипломатическая карьера Троцкаго закончилась. Короткое время онъ былъ еще продовольственнымъ диктаторомъ, успѣлъ объявить "безпощадную" войну мѣшечникамъ и скоро сдѣлался военнымъ министромъ.

Одновременно съ принятіемъ условій "архитяжкаго мира" (слова Ленина) большевики лихорадочно берутся за организацію "Красной Соціалистической Арміи". Сначала она носитъ характеръ добровольческой, и на службу принимаются со строгимъ разборомъ. Впослѣдствіи, съ расширеніемъ военныхъ операцій, она превращается въ обычную буржуазную армію съ мобилизаціей всего способнаго къ ношенію оружія населенія и съ суровыми карами для всѣхъ, уклоняющихся отъ военныхъ обязанностей, къ какому бы классу они не принадлежали.

Съ назначеніемъ Троцкаго военнымъ министромъ это превращеніе идетъ ускореннымъ темпомъ. Выборы офицеровъ, всякіе митинги солдатъ и "повзводныя" обсужденія боевыхъ операцій и дѣйствій начальства (не говоря уже о "братаніи" и пр.), при помощи которыхъ большевики такъ успѣшно разрушали армію Временнаго Правительства, — все это теперь строго преслѣдуется. Вво-

дится самая суровая дисциплина. Къ ненадежнымъ командирамъ приставляются политическіе комиссары, зорко слѣдящіе за каждымъ ихъ шагомъ*). Семьи находящихся на фронтѣ офицеровъ держатся въ качествѣ заложниковъ и подвергаются суровымъ карамъ, если провинившійся офицеръ оказывается внѣ предѣловъ досягаемости.

Керенскій, введшій смертную казнь за измѣну на фронтѣ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора. Троцкій, отмѣнившій смертную казнь, въ примѣненіи "безпощаднаго разстрѣла" проявилъ ненасытность, прямо патологическую. Къ разстрѣлу онъ прибѣгаетъ не только за измѣну "соціалистическому отечеству", но и изъ личной мести.

Въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ его карьеры составляетъ дѣло капитана Щастнаго, который былъ казненъ въ личную угоду Троцкому тогда, когда отмѣненная большевиками смертная казнь еще не была возстановлена.

Капитанъ Щастный былъ назначенъ большевиками начальникомъ морскихъ силъ Балтійскаго моря. Онъ спасъ отъ нѣмцевъ балтійскій флотъ, находившійся въ Гельсингфорсѣ, съ большимъ трудомъ проведя его черезъ льды до Кронштадта и устья Невы. Онъ пользовался большой популярностью среди матросовъ, и въ виду своихъ крупныхъ заслугъ передъ большевистскимъ правительствомъ, держалъ себя болѣе независимо, чѣмъ это могъ терпѣть Троцкій; и его необходимо было устранить. Никакого опредѣленнаго обвиненія обвинителямъ не удалось формулировать. Ни одного свидѣтеля защиты не было на судѣ, и письменныя показанія неявившихся свидѣтелей (большевистскихъ же комиссаровъ) не были допущены къ прочтенію. Единственнымъ свидѣтелемъ былъ "свидѣтель" обвиненія Троцкій, который произнесъ такую рѣчь, что обвинителю Крыленко ничего не оставалось дѣлать.

"Я считаю, что передъ вами — опасный государственный преступникъ, который долженъ быть наказанъ безпощадно", заявилъ Троцкій. И семь покорныхъ "судей" исполнили приказъ. Видные большевики, въ которыхъ еще сохранилась человѣческая искра, были чрезвы-

*) Еще до захвата власти Троцкій говорилъ: "Мы приставимъ револьверъ къ виску царскихъ генераловъ и заставимъ ихъ служить революціи".

чайно взволнованы этимъ политическимъ убійствомъ. Приговоръ произвелъ удручающее впечатлѣніе въ лѣвыхъ партійныхъ кругахъ и въ матросскихъ массахъ.

Взявъ въ свои руки руководство военными дѣлами, Троцкій, наконецъ, нащупалъ свою настоящую профессію, въ которой всѣ его таланты и способности могли проявиться и развернуться во всю ширь: неумолимая "логика" (принявшая форму военной дисциплины), желѣзная рѣшительность и непреклонная воля, не останавливающаяся ни передъ какими сентиментальными соображеніями гуманности; ненасытное честолюбіе и безмѣрная самоувѣренность, специфическое ораторское искусство, и пр. и пр.

Организація побѣдъ "соціалистическаго отечества" скоро цѣликомъ перешла въ его руки. Онъ сталъ самой популярной фигурой въ глазахъ всѣхъ, кто въ торжествѣ большевистскаго коммунизма видѣлъ начало новой эры всеобщаго счастья.

Троцкій сталъ большевистскимъ фельдмаршаломъ, обнаружившимъ необыкновенныя стратегическія дарованія, если вѣрить отзывамъ знатоковъ военнаго дѣла даже изъ лагеря противниковъ.

Въ своемъ спеціальномъ поѣздѣ, обставленномъ съ невѣроятной роскошью и удобствами*), онъ мчится съ одного конца Россіи въ другой, смотря по тому, гдѣ положеніе настолько критическое, что требуется его личное немедленное присутствіе. И горе тому, кто окажется виновникомъ малѣйшей задержки въ пути.

Его манеры, выступленія и пріемы дѣйствія стали предметомъ подражанія даже со стороны генераловъ изъ арміи Деникина и Врангеля.

Въ первой главѣ мною было указано, что индивидуальность Троцкаго надо искать въ его волѣ. Такъ какъ теперь вся воля его находитъ свое проявленіе въ военномъ дѣлѣ, то, естественно, что "революція" въ этотъ періодъ сводится для него къ организаціи побѣдъ, которая становится самоцѣлью, независимо отъ того, къ чему она ведетъ.

Когда нѣтъ внутреннихъ враговъ, онъ дѣлаетъ диверсію на враговъ внѣшнихъ. Онъ простираетъ свои руки на соціалистическую Грузію, на Арменію, залѣзаетъ въ Персію, мечтаетъ чуть ли не о завоеваніи всего міра. Для

---

*) Тамъ имѣется даже хорошо оборудованная типографія, всегда готовая въ пути къ его услугамъ.

этого надо всю Россію превратить въ одинъ сплошной военный лагерь. Онъ милитаризуетъ желѣзныя дороги; и, при помощи милитаризаціи труда во всей промышленности и земледѣліи, онъ мечтаетъ превратить всю Россію въ одно обширное аракчеевское военное поселеніе со строгимъ военнымъ режимомъ, гдѣ всѣ по сигналу встаютъ, по сигналу ѣдятъ, по сигналу идутъ на работу, по сигналу ложатся, по сигналу выходятъ на парады для знатныхъ иностранцевъ и по сигналу славятъ свое идеальное правительство.

Когда такое счастье окончательно стало не въ моготу изголодовавшемуся русскому народу, и когда "краса и гордость русской революціи"*), кронштадскіе матросы стали во главѣ возстанія противъ деспотизма коммунистовъ во имя возстановленія совѣтской власти, Троцкій былъ назначенъ диктаторомъ съ неограниченными полномочіями для подавленія "бунта" вѣрноподданныхъ. При помощи китайскихъ и другихъ иноземныхъ войскъ**) онъ потопилъ возстаніе въ морѣ крови.

---

*) Такъ съ гордостью назвалъ матросовъ Троцкій въ іюлѣ 1917 г.

**) Красноармейцы, по секретнымъ донесеніямъ большевиковъ, оказались ненадежными.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковъ удивительный путь, пройденный Бронштейномъ. Юноша, самоотверженно и безстрашно отдающій весь богатый и неистощимый запасъ силы, энергіи и таланта, которыми природа такъ щедро одарила его, на борьбу съ царскимъ деспотизмомъ, подъ скромнымъ именемъ Львова, мечтающій стать русскимъ Лассалемъ, — достигнувъ зрѣлости, превращается въ свирѣпаго диктатора, безжалостно заковывающаго въ цѣпи самаго тяжелаго рабства населеніе своей родины, готоваго, не моргнувъ глазомъ, погубить милліоны людей и даже цѣлую страну, ради исключительной цѣли сохраненія во что бы то ни стало власти въ рукахъ кучки беззастѣнчивыхъ авантюристовъ*) и гордо позирующаго въ роли всемірнаго жандарма, "крѣпко наступившаго сапогомъ на грудь" угнетенныхъ народовъ.

Въ оправданіе Троцкаго и къ стыду человѣчества надо однако признать, что внушающія въ каждомъ морально здоровомъ человѣкѣ отвращеніе качества Троцкаго ни въ какомъ случаѣ нельзя считать явленіемъ хоть сколько-нибудь исключительнымъ въ теперешней Россіи. Если-бы это было такъ, Троцкій не занялъ бы того положенія, которое онъ занимаетъ. Онъ никоимъ образомъ не сталъ бы героемъ нашего времени въ Россіи, если бы отрицательныя качества, выдвинувшія его впередъ, были исключительнымъ свойствомъ его психики. Эта особенность его психики заключается не въ томъ, что онъ болѣе жестокъ, чѣмъ другіе жестокіе насильники и изувѣры, — какъ большевистскіе, такъ и не большевистскіе, — а въ томъ, что весь психическій комплексъ, относящійся къ области симпатическихъ переживаній, ему совершенно чуждъ, какъ

*) Одно время, когда положеніе большевиковъ было очень шатко, Троцкій заявилъ: "Мы, можетъ быть, уйдемъ, но тогда мы такъ хлопнемъ дверью, что міръ содрогнется".

чуждо слѣпому все, что относится къ области зрительныхъ впечатлѣній.

Въ психикѣ Троцкаго нѣтъ элементовъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ жестокости и человѣчности; на ихъ мѣстѣ — пробѣлъ. Чувство симпатіи къ людямъ, не какъ къ средству собственнаго удовлетворенія, а какъ къ носителямъ самостоятельныхъ чувствъ, стремленій, желаній, у него совершенно отсутствуетъ. Люди для него, это — лишь единицы, сотни, тысячи, сотни тысячъ единицъ, при помощи которыхъ можно дать наибольшее питаніе своему Wille zur Macht. А какъ это осуществляется: путемъ ли доставленія этимъ "Vielen, allzuvielen" условій райскаго житья или путемъ безжалостнаго ихъ избіенія и истребленія, это — совершенно несущественная подробность и диктуется не симпатіями или антипатіями, а стеченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ въ данный моментъ.

Троцкій нравственно слѣпъ. Это у него природный, такъ сказать, физіологическій дефектъ; то, что по-англійски называется moral insanity — нравственное помѣшательство. Психическій органъ симпатіи атрофировался у него въ утробѣ матери, какъ атрофируются тамъ физическіе органы, вслѣдствіе особыхъ ненормальныхъ условій внутриутробнаго положенія. До того, какъ Троцкій занялъ свое теперешнее положеніе, это уродство не замѣчалось, какъ мы долго не замѣчаемъ природной слѣпоты у младенца или паралича у ребенка, которому, по возрасту, еще не полагается ходить.

Каковы же тѣ условія, которыя способствовали проявленію и вызвали широкій спросъ на психическія качества, составляющія основную сущность индивидуальности Троцкаго? Едва успѣвшая выйти изъ крѣпостного состоянія, Россія, съ ея невѣжественнымъ и непривыкшимъ къ самодѣятельности населеніемъ, вслѣдствіе безумной политики Романовыхъ, до войны была уже на краю соціально-экономическаго и политическаго краха. Война явилась лишь послѣднимъ толчкомъ. Вся предыдущая исторія Россіи привела къ тому, что она оказалась совершенно неподготовленной къ тому, чтобы выдержать вызванную войною гигантскую встряску всѣхъ основъ. И она, естественно, первая поддалась и быстро стала распадаться. Давно прогнившія соціальныя скрѣпы отвалились. Революція была поставлена исторіей на очередь дня. Паденіе дисциплины и повиновенія старымъ, сдерживающимъ политическимъ, соціальнымъ и моральнымъ нормамъ сдѣлали

ее неизбѣжной. Но начатое войною разрушеніе старыхъ основъ матеріяльнаго существованія не могло быть остановлено революціей. Война, давшая импульсъ революціи, менѣе всего могла способствовать накопленію необходимыхъ для новаго строительства и безъ того скудныхъ творческихъ силъ, какъ матеріяльныхъ, такъ и духовныхъ. Такимъ образомъ открылась эпоха затяжного разрушенія безъ соотвѣтствующаго положительнаго строительства.

И, какъ въ эпоху общественнаго подъема выступаютъ наружу, кто ихъ знаетъ откуда берущіеся симпатическіе общественные инстинкты, такъ въ періодъ упадка, разложенія выступаютъ наружу, какъ грибы послѣ дождя, низменные общественные (или лучше, антиобщественные) инстинкты.

И тѣ и другіе инстинкты заложены во всѣхъ людяхъ, въ однихъ въ одной пропорціи, въ другихъ въ другой. Беззавѣтная, забывающая себя любовь къ ближнимъ и животный эгоизмъ, попирающій все и всѣхъ ради узкихъ интересовъ своего собственнаго тѣла; героическая преданность далекому общему дѣлу и безшабашная эксплуатація общества въ исключительныхъ интересахъ своей собственной личности; революціонный энтузіазмъ и контръ-революціонное изувѣрство, словомъ, докторъ Джекилъ и мистеръ Хайдъ живутъ рядомъ въ одной и той же душѣ. Въ самоотверженныхъ революціонныхъ дѣйствіяхъ принимаютъ участіе тѣ же массы, которыя раньше активно выступали въ еврейскихъ и другихъ погромахъ. Эти же самыя массы принимаютъ потомъ участіе въ контръ-революціонныхъ (большевистскихъ и не-большевистскихъ) эксцессахъ и звѣрствахъ. Вчерашніе безкорыстнѣйшіе общественные дѣятели сегодня выступаютъ, какъ беззастѣнчивые циничные спекулянты и т. д. и т. д.

Революція вспыхнула въ Россіи послѣ того, какъ подорванные матеріяльные рессурсы были окончательно разрушены трехлѣтней войной; послѣ того, какъ длительная анти-общественная практика, неизбѣжно связанная съ войною, успѣла уже вызвать атрофію особенно нужныхъ теперь симпатическихъ общественныхъ инстинктовъ и расчистила почву для развитія заложенныхъ во всѣхъ, и до времени находившихся подъ спудомъ, инстинктовъ антиобщественныхъ, эгоистическихъ.

Естественно, что во главѣ возникшаго при такихъ условіяхъ общественнаго движенія скоро стали люди, быстрѣе и основательнѣе другихъ освободившіеся отъ сдер-

живающаго вліянія разрушенныхъ политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ нормъ. Но, чѣмъ болѣе человѣкъ былъ свободенъ отъ этихъ нормъ раньше, тѣмъ съ большей быстротой и основательностью онъ освобождается отъ этихъ препятствующихъ "свободному" проявленію личности "устарѣлыхъ" путъ теперь. И потому понятно, что на авансцену общественнаго дѣйствія выступаютъ тѣ, у которыхъ эти нормативные "предразсудки", — "мелко-буржуазные", или какъ они тамъ еще иначе называются, — сохранились въ минимальныхъ размѣрахъ, или, еще болѣе, тѣ, которые и раньше были свободны отъ нихъ. Убійцы, грабители, спекулянты, предатели, шпіоны, шулера, торговцы живымъ товаромъ, сутенеры, садисты, эпилептики и т. д., и т. д., — всѣ эти низы, лишенные задерживающихъ центровъ, неизбѣжно становятся во главѣ общества и ревниво гонятъ, подъ видомъ "интеллигентовъ", всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь сохранилъ въ себѣ общественную совѣсть и въ комъ не совсѣмъ искоренена склонность ко всякаго рода ненавистнымъ "предразсудкамъ".

Вызванное разрушеніемъ производительныхъ основъ страны господство этихъ паразитическихъ непроизводительныхъ низовъ, окрашенное въ цвѣтъ чаяній трудящихся классовъ и есть большевизмъ.

Пока "интеллигенты", т. е. люди, въ которыхъ еще не прекратили своего дѣйствія нормативные задерживающіе аппараты: чувство отвѣтственности передъ закономъ (все равно, старымъ или новымъ), передъ нравственными предписаніями, и пр., — пока эти "интеллигенты", подъ вліяніемъ неискоренимаго уваженія къ чужой личности и ея благополучію, колеблются, взвѣшиваютъ и не дерзаютъ на рѣшительныя дѣйствія, — люди, отъ природы свободные отъ всѣхъ этихъ нормативныхъ задержекъ, естественно становятся во главѣ общественнаго дѣйствія. А талантливѣйшій и честолюбивѣйшій изъ нихъ Троцкій, по необходимости, дѣлается общественнымъ кумиромъ и народнымъ героемъ.

Поэтому понятно, что, хотя въ исторію большевизмъ, по справедливости, войдетъ съ именемъ Ленина, какъ отца и пророка его, для широкой массы современниковъ т о р ж е с т в у ю щ і й большевизмъ (и покуда онъ торжествуетъ) естественно связывается съ именемъ Троцкаго. Ленинъ олицетворяетъ собою теорію, идею большевизма (даже большевизмъ имѣетъ свою идею), Троцкій — его практику.

Для исторіи, интересующейся сущностью историческихъ явленій, сокровенными пружинами общественныхъ движеній, выступитъ на первый планъ Ленинъ. Эта исторія пройдетъ мимо Троцкаго, какъ несущественнаго, хотя эффектнаго эпизода.

Съ другой стороны, историкъ-бытописатель, который когда-либо пожелаетъ воспроизвести переживаемую теперь въ Россіи эпоху, въ драматическомъ дѣйствіи дать цѣльную, живую, дѣйственную картину ея, — такой историкъ пройдетъ мимо Ленина, тогда какъ Троцкій для него явится незамѣнимой моделью, какъ яркій выразитель эпохи большевистскаго разложенія страны.

Современники, поскольку они являются участниками и объектами большевистскихъ экспериментовъ, относятся къ Ленину и Троцкому такъ же, какъ указанный историкъ-бытописатель: Ленина абстрактно уважаютъ и почитаютъ одни, передъ нимъ питаютъ благоговѣйный ужасъ другіе Троцкаго одни любятъ до самозабвенія, какъ вождя и бойца, другіе ненавидятъ, какъ кровожаднаго изверга. Для тѣхъ и другихъ о н ъ — герой нашего времени.

